

Наталья Озерская

**ПРЕФЕРАНС
ПО ПЯТНИЦАМ**

Наталья Федоровна Озерская

Преферанс по пятницам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30811329

SelfPub; 2018

Аннотация

Однажды главный инженер треста Вадим Готовский, играя в преферанс, получил женщину своей мечты в качестве оплаты карточного долга. Встреча, произошедшая по воле случая, оказалась для обоих судьбоносной, в очередной раз, доказывая нам, что ни одно событие в нашей жизни не бывает случайным. Возникшее между ними сексуальное влечение, переросло в настоящее глубокое чувство, наполненное взаимопониманием и доверием. По мере развития событий герояиня понимает, что их совместное будущее невозможно, и решается разорвать романтические отношения, чтобы не разрушать чужую семью. Спустя годы судьба свела их вновь...

Наталья

С ранней юности
стать и думать
что это не
мысле...
Два
и гума...
карьер...
ние со...
Настал...
тратит...
истори...
позна...
вышел...
ват». «...
тельна...
судить...

Наталья Озерская

Преферанс по пятницам

Москва

Издательство

Российского союза писателей

2016

Глава 1

Августовское утро выдалось дождливым. Низкое небо приобрело серо-свинцовый оттенок и было затянуто плывущими по нему тучами с дождем. Дул пронизывающий ветер, напоминающий о том, что северное лето давно закончилось. Готовский вышел, поживаясь на ветру, из дома и сел в подъехавшую к самому крыльцу служебную машину. Черный джип «Лэнд-Крузер» развернулся, проехал мимо шлагбаума, который ограждал проезд в маленький элитный поселок, и выехал на проспект. Мимо окна автомобиля успели промелькнуть белоснежные стены златоглавого храма, дома, парапеты моста через Сайму, пока, наконец, не показался перекресток. Джип мягко притормозил и остановился перед светофором. У Готовского зазвонил сотовый телефон:

– Вадим Юрьевич! Приветствую вас, Борисов, – раздался в трубке голос заместителя управляющего строительно-монтажного треста.

– Доброе утро, Николай Петрович!

– Сегодня последняя августовская пятница. Не хотите вечером к нам присоединиться?

– Хочу! Если не будет никакого форс-мажора, то с большим удовольствием к вам присоединюсь. Где будем сегодня?

– В поселке Солнечном, у Павла Евгеньевича, время обычное.

– Понял, буду! Если не сложится, то обязательно вам позвоню.

Два раза в месяц они собирались по пятницам играть в преферанс. Необходимо напомнить, что преферанс – это старинная логико-математическая игра на неполной колоде в тридцать две карты. Готовский был опытным игроком, хотя надо сказать, что в их компании любителей преферанса все игроки были из разряда профессионалов, новичков и залетных среди них не было. Они все были давно знакомы друг с другом и обладали определенным вотумом доверия. Этика преферанса им всем была знакома и выполнялась всегда неукоснительно. Он был рад, что сегодняшней пустой вечер у него будет занят. В настоящее время его семья отдыхала в Турции, а оттуда они еще планировали поехать в Белгород, где жили родители Готовского и его жены Елены. Заработала рация. Звонил начальник участка строящейся трассы:

– Вадим Юрьевич! Сколько машин сегодня будет у нас на отсыпке трассы?

– По предварительным прикидкам техники у вас должно

быть столько, сколько заказывали. Конкретно сказать пока не могу. Я еще в машине. Посмотрю сегодняшнюю разрядку выхода техники, тогда скажу точное количество, – ответил Готовский. – Сколько планируете сделать? Не забывай, месяц заканчивается.

– Ясно, Вадим Юрьевич! Все сделаем. До конца месяца вся «подушка» будет готова, вы будете сегодня у нас?

– Обязательно! – он подъехал к зданию треста и вышел из машины. Готовский работал в тресте «Северавтодор» главным инженером уже пятый год. Молодой, тридцати девяти лет, спортивный, высокий, с идеально подстриженными темно-русыми волосами. Красивый. Серые глаза красивые и умные. Коллеги по работе и начальство считали его нормальным, честным мужиком, порядочным, грамотным, профессиональным, с хорошими мозгами и приличным опытом.

Рабочий день у главного инженера сегодня начался как обычно, с семи утра, и продолжался до самого вечера. Он успел побывать в течение дня на многих объектах. Трест вел отсыпку новой трассы, проводил капитальный ремонт дорожного покрытия на нескольких участках действующих трасс, а также занимался содержанием дорог, в том числе разметкой и ремонтом ограждений дорожного полотна. Фактически трест «Северавтодор» Ханты-Мансийского автономного округа выполнял на сегодняшний день все виды дорожных работ, осуществляя функции генподрядчика по содержанию территориальных и федеральных автомобиль-

ных дорог, а также по строительству и содержанию автозимников, находящихся на балансе дорожного департамента ХМАО – Югры. Только в самом конце рабочего дня главный инженер зашел в свой кабинет, где на рабочем столе его уже ждала пухлая папка с документами, требующими его подписи. Наконец последняя бумага подписана, и он взглянул на часы, стоявшие в углу кабинета. Они скоро пробьют девятнадцать часов. Можно ехать домой, он даже успеет переодеться и принять душ. И если ничего не случится, то спустя еще полтора часа он будет сидеть вместе со всеми за игорным столом.

Ровно через час Вадим вышел из своего дома и, преодолев короткое расстояние до гаража, успел изрядно вымокнуть. Он выгнал из гаражного бокса свой внедорожник «Ауди» черного цвета и плавно влился на нем в движущийся по улице плотный поток машин. Погода сегодня весь день была отвратительная. Готовский свернул с трассы и проехал мимо указателя «Поселок Солнечный». Хотя Солнечный был не обычным поселком, а поселком городского типа. Здесь наряду с частным сектором стояли новенькие пятиэтажные дома, было также среди них несколько девятиэтажных домов и даже две высотки. Он свернул на нужную ему улицу и остановился перед большим кирпичным домом с аккуратной мансардой. Сегодня целый день, начиная с самого утра, моросил холодный, мелкий и нудный дождь, а так как за время дороги он уже успел обсохнуть и согреться, то выходить из машины,

чтобы снова намокнуть, ему совсем не хотелось. Его вышел встречать сам хозяин дома – Дубровин. Павел Евгеньевич давно был на пенсии, но это обстоятельство его совсем не огорчало. На вид ему было около семидесяти. Седой ежик на голове и многочисленные морщины плохо сочетались с крепкой и статной еще фигурой. Павел Евгеньевич радушно поздоровался с Готовским:

– Здравствуйте, Вадим Юрьевич! – прогудел он, улыбаясь.

– Добрый вечер, Павел Евгеньевич, – приветливо отозвался Вадим, щелкая брелоком сигнализации.

– Как доехали? – заботливо поинтересовался Дубровин.

– Доехал нормально, можно даже сказать, быстро. На дороге сейчас свободно.

– Погода всех держит, нынче уж больно она испортилась. Сейчас дождь льет все так же, как лил прошлой ночью, и весь день он моросил не переставая. Э-э-х! – вздыхая, сетовал на разыгравшуюся непогоду Дубровин. – Проходите, все уже здесь и ждут только вас.

– Погода сегодня, действительно, никуда не годится, – согласился с ним Готовский, входя следом за ним в дом и приветливо здороваясь со всеми:

– Всем добрый вечер! Ну что, сегодня все у нас в сборе?

– К сожалению, не все. Сегодня не приехал к нам Дорошин Андрей Николаевич, – сообщил ему Борисов, – но наш любезный Павел Евгеньевич просит принять четвертым игроком своего племянника Илью. Вот он перед вами. Господа,

знакомьтесь, Илья Ремизов. Наш новый знакомый – юрист, работает в кадастровой палате. Он собирается жениться. Через месяц у этого счастливчика свадьба. Так ведь, Илья? – обратился он к смущенному парню. – Илья у нас почти новичок, он играет совсем недавно. Если вы, господа, не против, – обратился он к присутствующим игрокам, – то начнем игру вчетвером.

Павел Евгеньевич как мог отговаривал племянника от игры, но все его уговоры не возымели на того никакого действия. Илья мечтал о настоящей игре и считал себя к ней вполне готовым. Он чувствовал кураж, от избытка адреналина в крови его слегка потряхивало, глаза возбужденно блестели – он давно жаждал этого момента, и тут случай представился. Он уже мысленно считал свой выигрыш, который получит после игры, и знал, на что именно его потратит. Павел Евгеньевич был не просто хозяином дома, предоставившим игрокам временное пристанище для игры, он по этике преферанса являлся еще и нравственным поручителем за благонадежность и благовоспитанность своих гостей. Все согласились с тем, что четвертым игроком сегодня с ними будет новенький, только уповая на его рекомендацию. Игроки, тихо переговариваясь друг с другом, прошли в гостиную, где было довольно уютно и тихо. Рассаживались за игорным столом, как всегда, в зависимости от проведенного «тиража». Все вытянули из колоды по карте. Первым сел за стол Николай Петрович Борисов, так как он вытянул самую младшую

карту. Селезнев Николай Андреевич и Вадим Готовский расселись по часовой стрелке от Борисова. Карты они вытянули одинаковые, но у Селезнева оказалась старшая масть – черва, тогда как у Готовского была всего лишь трефа. Илья сел после Вадима.

– Ну, давайте определимся до начала игры по ставке, я думаю, десять евро устроит всех? – произнес Борисов и вопросительно посмотрел на всех, обведя их взглядом. Пульку предлагаю писать до пятидесяти. – Все сидели молча и просто слегка кивнули головами, показывая этим свое согласие. Преферанс играется только на деньги, но поскольку азарт, страх проиграть не способствуют выигрышу, то все расчеты в ходе игры между игроками ведутся в вистах, а для получения окончательного результата заработанные висты умножаются на ставку.

– Ну, раз ни у кого нет возражений, предлагаю начать игру, – возвестил Николай Петрович. – Прошу всех к столу, – любезно произнес сдающий.

Первая сдача разыгралась жребием. Сдающий Борисов тщательно тасовал карты, держа руки, как было принято в преферансе, над столом, затем положил колоду карт перед Селезневым и предложил тому снять. Николай Андреевич снял несколько карт. Сдающий игрок положил оставшиеся карты на ранее снятые. Затем он раздал их по две штуки за раз по часовой стрелке, начиная со своего левого партнера. Каждый из трех игроков получил по десять карт за пять кру-

гов. Все игроки по очереди внесли по две карты отдельно в прикуп четвертой парой. Борисов был опытный сдающий, он сидел на прикупе и никогда не допускал неверных действий, потому как знал, что за нарушение правил в игре полагается взыскание. Вплоть до условленного ремиза, например, пять очков в гору и переход сдачи. Первое слово в торговле принадлежало «первой руке» – Селезневу – шесть пик, «вторая рука» – Готовский – шесть трефа и Ремизов – шесть бубна. В этот момент «первая рука» случайно открывает прикуп. Зафиксировав факт нарушения, все открывают свои карты и видят, что если бы прикуп достался «второй руке», был бы сыгран контракт девять черва, а если бы прикуп достался «третьей руке», то контракт шесть бубна пошел бы без одной. Готовский пишет на нарушителя пятьдесят два виста (стоимость девятерной), а сдающий Борисов пишет на нарушителя семь вистов (свою упущенную выгоду от возможного подсада «третьей руки» на шестерной). Селезнев, будучи нарушителем, не писал себе в пульту ничего. После записей игра продолжилась и длилась довольно долго.

Пульту закончили писать, когда в графе контрактов набралась общая сумма – сто пятьдесят восемь очков. Посчитали среднее арифметическое с горы, высчитали разницу для каждого участника игры, умножили на десять и прибавили сумму вистов. Окончательный расчет произвели, когда висты умножили на ставку десять евро. Результат поверг проигравшего Илью в ужас.

– Не может такого быть! Я не согласен! Я не уверен, что все здесь подсчитано правильно, я требую у вас пересчета, – срывающимся от волнения голосом заявил новый игрок сдающему Борису, обводя при этом всех своих партнеров по преферансу затравленным взглядом.

Теперь уже Илья своим некорректным поведением поверг всех остальных игроков в шок. Для всех присутствующих здесь игроков, чтивших правила игры в преферанс, спорить было не принято. Все знали и принимали незыблемое правило – карточные долги священны.

– Тебе придется заплатить свой долг в течение суток и без каких-либо напоминаний, иначе ты лишишься доверия. У тебя шестьсот пятьдесят тысяч рублей долга, не забудь, – тихо сказал ему Борисов.

– У меня нет таких денег, – растерянно прошептал молодой человек, нервно проводя языком по пересохшим губам. – Я не могу заплатить.

– Илья! Разве ты не знаком с кодексом преферанса? Он гласит о том, что садиться за игру, не имея при себе денег, не принято. Вадим Юрьевич, возьмешь выигрыш имуществом? – спросил Готовского сдающий.

– Нет! – был категоричный ответ Готовского.

– Можно мне поговорить с вами наедине? – спросил его тихо Илья, который был явно испуган случившимся.

– Ну, давай поговорим, – согласился Готовский, выходя с ним из гостиной на улицу. Он достал сигареты из кармана

тонкой лайковой куртки и закурил. Дождь все еще продолжал нудно моросить, и в голове у него промелькнула где-то слышанная фраза из Библии: «...и разверзлись хляби небесные...».

– Вадим Юрьевич, как мне быть? – нервно перебирал в руках ключи от машины молодой человек. – Понимаете... У меня свадьба скоро. Мне негде взять денег. Не буду же я брать кредит, а?

– Ты зачем садился за игру? – Готовский жестким взглядом посмотрел на Ремизова, и тому от этого взгляда стало неуютно.

– Я надеялся... Черт! Да я был уверен в том, что выиграю. Стопудово! Ведь я все делал правильно, – он взглянул на Готовского и, увидев на его лице кривую ухмылку, добавил: – Вроде бы правильно...

Готовский курил и молча смотрел на сжавшуюся, ставшую щуплой и уменьшившуюся в размерах фигуру парня. Вадим стряхнул с сигареты пепел, а Илья неотрывно наблюдал за красными искорками, которые почти моментально угасали в сыром воздухе. Это зрелище его завораживало, и поэтому вопрос Готовского прозвучал для него неожиданно громко и резко, отчего Илья вздрогнул.

– Так чего ты хочешь от меня? – прямой вопрос требовал от него такого же ответа.

Готовский в душе жалел парня. Он уже был готов простить ему долг, но понимал, что это его не остановит. При

возможности он снова сядет играть, поэтому он решил его помучить и напугать так, чтобы у того навсегда пропало желание садиться за любую карточную игру.

– Я? – парень нервно сглотнул и, заметив насмешливый взгляд своего кредитора, нерешительно предложил: – Я хотел вас попросить об одолжении. – Он замолчал.

– Ну? Говори же! – поторопил его Готовский, все больше раздражаясь от его привычки мямлить. – О каком одолжении пойдет речь?

– Да-да! Сейчас! – простые слова давались ему с трудом. – Вы согласились бы на то, чтобы моя невеста целую неделю пожила с вами. Ну... Как бы это сказать... В счет оплаты моего долга... Вы меня понимаете? – с надеждой в голосе спросил Илья, стараясь при этом не смотреть в лицо Готовскому.

Готовский обомлел, глядя на этого молодого симпатичного нахала. Более того, он не верил своим ушам. Поначалу он подумал, что ослышался, и на всякий случай переспросил:

– Я тебя правильно понял, ты предлагаешь своей невесте рассчитаться со мной своим телом?

– Ну зачем так уж грубо?

– А что, это будет выглядеть как-то иначе, если мы по-другому построим фразу? Приличнее? – иронично и зло спросил Готовский. Он в душе уже ругал себя за свои благие намерения, которым не суждено было сбыться.

– Извините! – смутился Илья. – Да, вы правильно меня поняли. Вы не останетесь разочарованным! Она красивая де-

вушка, у нее хорошая фигура. Вам она понравится.

– И твоя невеста будет согласна рассчитаться за твой проигрыш? – изумляясь еще больше, спросил Вадим.

Ему приходилось в своей жизни встречать циничных людей, но чтобы настолько!

– Если вы согласитесь, то я ей позвоню, и она скоро придет.

– Не может быть! – не поверил Готовский. – Да как вы с этим жить-то потом будете, молодежь? Для вас есть хоть что-то святое?

– Так вы согласны? – с надеждой спросил Илья, не слушая его.

– Звони, хотя бы затем, чтобы посмотреть на такую невесту. О времена! О нравы! – патетически воскликнул Вадим. – Звони, только быстро, время идет. – Он выбросил окурок, повернулся к нему спиной и пошел в дом, бормоча на ходу: – Ни хрена себе... Что делается? Куда мир катится? Ничего святого!

Илья выбрал из списка нужный номер и нажал кнопку вызова.

– Привет, Вика! Ты спишь?

– Привет! Илья, ты на часы смотришь хоть иногда? – недовольным голосом протянула девушка. – Конечно, сплю, и уже давно! У меня сегодня был трудный день. Две операции.

– Скажи, ты не могла бы сейчас приехать в Солнечный?

– В Солнечный? – переспросила, зевая и прикрывая рот

ладонью, девушка. – Теоретически – могла бы, но зачем? Второй вопрос – на чем? У меня бензина нет, горит резерв, надо ехать на заправку. И вообще, я очень устала и хочу спать. Правда, Илья! Давай встретимся завтра!

– Понимаешь, здесь одного мужика поранили, в скорую помощь нельзя обратиться, сама понимаешь! Помоги, а?! Ты же врач. Я тебя очень прошу, сделай это ради меня. Добраться можно сюда и на такси. Тебе что, денег на такси жалко? Вика, выручи, пожалуйста. Я тебя не так часто о чем-то прошу. Вика? Ты слышишь меня?

– Слышу, – хмуро произнесла девушка. – Хорошо, я приеду. Илья, знаешь, меня настораживает твоя способность постоянно влипнуть в подобные ситуации. Что ты там вообще делаешь в такое время? – недовольно вздохнула она и начала подниматься с постели. – Тебе нужно быть более осмотрительным в выборе компании приятелей.

– Только быстрее, я жду, – он выключил телефон и вошел в дом.

Он видел взгляды собравшихся здесь мужчин, и ему стало от них неуютно. Такого видеть еще никому не доводилось. Имел место акт форменной работорговли, иначе это явление назвать было нельзя.

– Она скоро приедет, – сообщил Илья Готовскому, заметив, как тот переглянулся с Борисовым.

Никто не расходился, хотя расчеты между остальными игроками были произведены полностью. Все сидели, курили,

вполголоса обмениваясь ничего не значащими репликами. Шум подъехавшей машины нарушил тишину в гостиной. Слышно было, как под окном хлопнули дверки автомобиля, кто-то вышел из него, и автомобиль, развернувшись возле дома, уехал. Затем громко хлопнула входная дверь в доме. Илья вышел встретить девушку. Они вошли в гостиную вместе. Девушка и впрямь была красавицей, хоть и подняли ее среди ночи. Довольно высокая, стройная, с пушистыми светло-русыми волосами и удивительно красивыми глазами. Она обвела всех взглядом своих больших серо-зеленых глаз.

– Доброй ночи! – запоздало поздоровалась она со всеми, и пухлые девичьи губы растянулись в солнечной улыбке. – Кто тут из вас ранен? Кому нужна медицинская помощь? – Она приподняла для наглядности свою большую кожаную сумку с медикаментами.

Только теперь все догадались, как Илья смог выманить ее из дома среди ночи. Он просто ее бессовестно обманул. Девушка явно ни о чем не догадывалась. Все молчали. Пауза затягивалась и становилась неприличной. Она обернулась, доверчиво улыбаясь, к Илье, но тот отвернулся от нее, глядя куда-то в сторону.

– Илья, что здесь происходит? – она в испуге отступила к двери.

Готовский пошел ей навстречу, спокойно говоря при этом:

– Уже ничего не происходит, милая девушка. Ваш жених

проиграл вас мне в карты. Вернее, он выставил вас вместо денег. Он вам разве ничего не сказал об этом? Илья, объясни девушке, что теперь ей придется жить со мной целую неделю в счет оплаты твоего долга. – Он требовательно смотрел на Ремизова, но тот, упрямо пряча глаза, продолжал молчать.

– Что? Вы что здесь, все с ума посходили?

– Ну что вы, с ума сходят поодиночке, вместе только гриппом болеют, так вроде говорил кот Матроскин в известном мультфильме? – улыбнулся Готовский девушке, стараясь успокоить ее шуткой.

– Вы еще шутите? Выиграть человека в карты для вас нормальное явление? Да вы просто негодяй! – И она, размахнувшись, ударила его по щеке.

Она хотела проделать это с ним еще раз, но Готовский перехватил ее руку и крепко сжал запястье. Когда их взгляды встретились, он увидел в девичьих глазах отчаяние и боль. На мгновение он почувствовал, как по руке, которая удерживала руку девушки, прошел легкий электрический разряд. Это длилось долю секунды, и в следующий момент он уже думал, что ему все это только показалось.

– Вам бы следовало это проделать со своим женихом, – взявшись за горевшую от удара щеку проговорил Готовский. – Я своих женщин не продаю.

– Вика! Я прошу тебя, ну сделай это ради меня. Я тебя потом прошу, женюсь на тебе и никогда даже тебе об этом не напомню, честно, – впервые подал голос Илья.

– Илья, ты в своем уме? За что ты еще меня прощать будешь? Я теперь сама не знаю, стоит ли выходить за тебя замуж, – она повернулась к Готовскому, и он увидел, как дрогнули ее пухлые губы, прошептав в тишину комнаты, – ладно, поехали отсюда, только, пожалуйста, быстрее.

– Поехали! – он пропустил ее вперед и вышел вслед за ней на крыльцо дома. – Моя машина вон там, черная «Ауди», – кивнул он в сторону своего внедорожника.

Они вышли вместе под дождь, холодный, мелкий, пронизывающий. Вода скапливалась в складках ее светлого плаща, стекала по плечам и лицу, смешиваясь с льющимися слезами. Вадим открыл перед ней переднюю дверь автомобиля и, пока она усаживалась, успел поставить ее сумку на заднее сиденье. Когда машина проехала вдоль улицы, девушка дала волю чувствам. Слезы текли из ее глаз потоком, она только иногда вытирала лицо тыльной стороной руки. Готовский достал из кармана своей ветровки платок и подал его девушке.

– Вас ведь Викой зовут? – спросил он. Она только утвердительно кивнула в ответ, продолжая размазывать слезы по щекам.

– Не плачь, не стоит он твоих слез. Гнилой человек. Не жалею о нем. – Он замолчал, глядя на мокрую и бликующую от света фар дорогу, которая блестящей ровной лентой послушно стелилась под колеса машины. Дождь все не прекращался.

Вика постепенно успокаивалась, все еще изредка всхлипывая и судорожно вздыхая при этом. Было два часа ночи. Машин в это время на дороге было очень мало, и уже через полчаса черная «Ауди» остановилась возле дома Готовского. Они сидели в салоне автомобиля перед домом и молчали. Потом Готовский повернулся к ней и тихо сказал:

– То, что произошло сегодня, беспрецедентно, ужасно и неприятно. Но твоего Илью надо проучить, ты согласна? Пусть прочувствует всю низость своего поступка. Неделю проживешь у меня дома. Я не насильник, не бойся, я тебя не трону, если только сама этого не захочешь, – уверенно произнес он, и губы тронула кривая ухмылка. – Дома тебе лучше не появляться. На работу тебя отвезут и привезут обратно. Пройдет неделя, вернешься к себе домой. У тебя будет время подумать спокойно обо всем, что случилось сегодня, и принять для себя верное решение.

– У меня разве есть право выбора в этой ситуации? – она повернулась и посмотрела ему в лицо.

– Конечно! Ты сейчас можешь вызвать полицию и заявить, что тебя насильно удерживают, – серьезным голосом произнес Вадим, глядя прямо перед собой в лобовое стекло автомобиля, по которому, обгоняя друг друга, стекали капли дождя.

– Ну уж нет! Пойдем домой, я хочу спать, – решительно заявила Вика и вышла из машины. – Я не люблю связываться с полицией.

– Уже приходилось общаться с полицией?

– Приходилось, но по рабочим вопросам.

Она подождала, пока Готовский поставит свою машину в гараж, и они вместе вошли в дом, аккуратно отряхиваясь от дождя. Дом, начиная с большого холла, производил впечатление выставочной экспозиции мебели. Не было никаких мелочей, которые придавали бы помещению уютный и жилой вид. Все было чисто, почти стерильно, но как-то голо и безжизненно. У Виктории мелькнула мысль, что в этом доме даже мухи должны летать в бахилах.

– Проходи, раздевайся. Давай помогу, – предложил он Вике, и она протянула ему свой совершенно мокрый плащ.

Он провел ее в гостиную, налил коньяк в хрустальные бокалы и один из них протянул Вике.

– Это твоя семья? – спросила она, показывая кивком головы на фотографию, которая стояла на столе.

– Да. Они сейчас отдыхают в Турции.

– У тебя симпатичная жена, и сыновья на нее очень похожи. Вадим, я не пью крепкие напитки, – сказала Виктория.

– Держи бокал! – скомандовал он, протягивая его девушке. – Тебе сейчас поможет снять стресс именно этот крепкий напиток. – Он помолчал, глядя на то, с какой неохотой она приняла из его рук бокал. – А почему не пьешь? Буйная становишься? – шутливо уточнил Готовский, делая большой глоток.

– Очень смешно! – обиделась Вика. – Просто мне не вкус-

но! Было бы вкусно, тогда, может, и пила бы. – Она медленно пила коньяк, крепко зажмурившись при этом.

Вкуса спиртного она совсем не почувствовала, но уже через пару секунд алкоголь обжег внутренности, и сжавшиеся в спазме сосуды полностью разжались. Вадим посмотрел на нее с нежностью, засмеялся и спросил:

– Как коньяк?

Виктория не ответила, а только помахала рукой, прижимая вторую руку к губам.

– Твоя комната здесь, – улыбнулся он, кивая на дверь спальни, – если что-то нужно, я буду на втором этаже. Ванная и туалет рядом с холлом. Пойдем, я тебя провожу, – он взял ее за руку и довел до двери спальни, – это гостевая спальня, белье чистое. Ты как? Успокоилась? Тебя можно оставить одну? – Увидев утвердительный кивок головой, он сдержанно пожелал: – Тогда спокойной тебе ночи и приятных снов.

– Спасибо. – Она вошла в комнату. Здесь было более уютно, чем в гостиной. Хорошая светлая мебель. Широкая кровать. Она вспомнила о том, что у нее с собой нет никаких вещей, и, выйдя из комнаты, громко крикнула: – Вадим! Можно тебя на минутку?

– Что-то случилось? – он мгновенно оказался рядом.

– Вадим! У меня нет с собой никаких вещей, спать будет холодно. Я привыкла спать в пижаме.

Он на секунду задумался:

– Моя футболка подойдет? – спросил он.

– Да, конечно! – обрадовалась Вика.

Когда он спустился к ней с футболкой в руках, Вику начал бить нервный озноб.

– Так, давай-ка быстро в горячий душ, тебе нужно согреться. Я подожду тебя. Полотенца чистые на полке. Халат на вешалке, – предупредил он.

В его глазах было беспокойство и тревога. Готовский переживал за девушку, считая себя причастным к тому, что с ней произошло. Он проводил Викторию в ванную, включил ей душ и терпеливо ждал ее минут пятнадцать под дверью, успев выкурить одну за другой пару сигарет.

Спустя несколько минут она уже лежала в постели, облившись в его мягкую белую футболку, которая хранила запах его тела, и этот запах не показался ей чужим и неприятным, а даже напротив. Она закуталась поплотнее в одеяло, свернулась калачиком и впала в мрачные раздумья, которые почему-то не утонули в коньяке. Ей было обидно за себя. За свое теперь уже несостоявшееся замужество. Ей очень хотелось выйти замуж и приехать к родителям с мужем. Ей необходимо было доказать им, что она тоже кому-то нужна, что ее тоже можно любить, даже без ученой степени. Вика жалела себя, жалела родителей потому, что им не повезло с дочерью, которая в очередной раз не смогла оправдать их надежд. Но постепенно все ее мысли рассеялись куда-то, и она не заметила, как уснула.

Проснувшись утром и открыв глаза, она обнаружила, что хорошо выпалась, и более того – у нее было хорошее настроение. Казалось, что дождь смыл все ее неприятные воспоминания о вчерашней ночи, и теперь от них не осталось и следа. За окном был ясный день, светило солнце, легкие белые облака бесцельно плыли по небу. На душе тоже было светло и солнечно.

Она встала с постели и выглянула из комнаты. Вадима нигде не было. Отсутствие хозяина дома расстроило ее. С ним было приятно общаться, и он производил впечатление надежного человека. Кроме того, ее почему-то тянуло к нему. Что же в нем было такого притягательного? Она пока это не определила для себя. Вика приняла душ и, стоя в ванной перед большим в полный рост зеркалом, с удовольствием оглядела себя в нем. Она поворачивалась то одним боком, то другим, ни единого дефекта в фигуре не обнаружил бы даже самый предвзятый ценитель красоты. И лицо, и волосы – все вместе так и просится на обложку журнала. Мужчины всегда обращают на нее внимание. Она верила тому, что говорил ей Илья Ремизов о своих чувствах, или хотела верить в это? Но ведь он говорил о том, что любит ее без ума, что согласен ждать ответного чувства всю жизнь. Только по этой причине она и решила выйти за него замуж, ошибочно полагая при этом, что можно стать счастливой и без любви, вполне довольствуясь тем, что будут любить ее. А на самом деле все оказалось совсем не так, как она себе представляла. Выйдя

из ванной в махровом белом халате, она прошла по комнатам первого этажа и зашла на кухню. Часы на стене показывали половину двенадцатого. Хотелось что-нибудь съесть, и она открыла холодильник. По всему было видно, что хозяин не ест дома вообще. В морозилке обнаружился кусок мяса. В самом холодильнике лежала только картошка. Умирать от голода в таком молодом возрасте не хотелось, поэтому Виктория решила потрудиться на кухне. Обед был готов за рекордно короткие сроки. За это время несколько раз принимался звонить городской телефон, но девушка не стала отвечать из соображений конспирации. Потом ей в голову пришла мысль о том, что жена не будет звонить Вадиму по стационарному телефону, зная номер его мобильного, и, когда опять раздалась трель телефонного звонка, Вика быстро вымыла руки и сняла трубку, из которой раздался приятный баритон Готовского:

– Вика! Доброе утро! Как ты? Как твое настроение? – засыпал он ее вопросами.

– Привет! Вадим, все нормально, не переживай, никаких истерик больше не будет. Можно считать, что плохое настроение смыл вчерашний дождь. Правда!

– Слава Богу, что ты больше не плачешь! Вика, я еще хотел тебе сказать, что никакие плохие события в нашей жизни не вечны. Ты и сама это не хуже меня знаешь. Так всегда бывает, когда идёт дождь, ты знаешь, что он рано или поздно, но закончится. Каждый раз, когда кто-то причиняет

тебе боль, ты знаешь, что рана со временем заживет. Ведь после темноты всегда появляется свет – тебе напоминает об этом каждое утро, но тем не менее часто кажется, что ночь продлится вечно. Но это не так. Ничто не длится вечно. Поэтому, если всё хорошо прямо сейчас, нужно спешить наслаждаться этим. Это не будет длиться вечно. Плохое тоже не будет длиться вечно. То, что жизнь не легка в данный момент, не означает, что ты не можешь смеяться и улыбаться. Каждое мгновение жизни даёт нам новое начало и новое окончание. Каждую секунду ты получаешь второй шанс. Просто используй его.

– Вадим, спасибо тебе за поддержку, я очень тронута. Ты где пропадаешь по утрам?

– Я на работе. Я уехал в семь утра, когда ты еще спала, а будить тебя не стал. Жалко было. Чем сейчас занимаешься?

– Сейчас? Смотрю новости по телевизору. – Она подняла взгляд на висевшую рядом панель телевизора.

– Я скоро буду. Не скучай. Пока.

– Пока!

– Вика! Вика! Подожди!

– Что-то еще? – удивилась она.

– Да! Бери трубку, пожалуйста, когда звонит телефон. Я беспокоюсь.

– Хорошо! Это все?

– Теперь все! – Она не могла видеть, а скорее почувствовала, как его губы растянулись в улыбке.

Он приехал действительно быстро. Войдя в дом, он громко крикнул с порога:

– Вика! Я дома! Быстро одевайся, сейчас поедem в один очень приличный ресторанчик, пообедаем, а то уже страшно есть хочется, а потом займемся делами.

Она вышла из кухни.

– Никуда не нужно ехать. Можешь раздеваться и мыть руки! Садись за стол, сейчас будем обедать, – спокойно сказала она и приветливо улыбнулась.

– Ничего себе! Откуда все это роскошество? – изумленно произнес Вадим.

– Это все я нашла в твоem холодильнике! – ответила, улыбаясь, Вика.

– Надо же! – удивился он. – Знаешь, я со вчерашнего вечера голодный, – с удовольствием поглощая жареное мясо и картошку со своей тарелки, говорил Вадим. – Как все вкусно! Ты хорошо готовишь! Может, ты меня так каждый день кормить будешь, всю неделю? – улыбаясь, спросил он.

– Посмотрим! – с улыбкой пообещала она. – Вот так-то жену отпускать в отпуск надолго! Был бы всегда сытый! – пошутила Вика.

– Не-а! Она все равно почти не готовила, так что никакой разницы не вижу в том, дома она или нет, – ответил он с набитым ртом. – Это домработницу отпускать в отпуск нельзя ни в коем случае! Сознаю свою оплошность. Я поступил неосмотрительно и недальновидно.

– Самокритичность, наверное, всегда была твоим коньком? – уточнила для себя Вика.

– Вика! – строго произнес он.

– Ладно-ладно, молчу! Значит, ты предлагаешь мне роль Машеньки из сказки про медведя, который говорил: «Будешь избу мести, кашу варить, меня кашей кормить, а захочешь уйти, поймаю и съем!»

– Ну это уж ты круто взяла! Ролевые игры не мой конек, – доверительно сообщил он и довольно ухмыльнулся. – Положи мне, пожалуйста, еще мяса, – попросил он, подавая ей пустую тарелку.

– С удовольствием положу. Кушай на здоровье! – сказала Виктория.

После обеда они сидели за столом, пили кофе и разговаривали. Спешить было некуда, и можно было расслабиться. Приятно было сознавать, что впереди свободный вечер выходного дня и целое воскресенье. Можно без зазрения совести до глубокой ночи просидеть у телевизора, а можно с книгой в руках. Делай что хочешь! А сколько времени можно провести вдвоем!

– Расскажи мне о себе, – попросил Готовский.

– Зачем тебе это? Ведь наше знакомство будет длиться всего лишь неделю, – удивилась Вика.

– Кто знает, что будет впереди? Мне интересно. Хочу знать о тебе все. А разве тебе не интересно узнать все обо мне? – Он поднялся со своего места и встал под вытяжкой

у плиты.

Закуривая сигарету, он щелкнул кнопкой, включая прибор. Сделав глубокую затяжку, Вадим выпустил изо рта колечко дыма.

– Мне очень интересно узнать о тебе что-нибудь, но разве ты захочешь о себе что-то рассказывать незнакомому человеку? – она с невинным любопытством посмотрела на него.

– А почему нет? – он пожал плечами, в очередной раз затягиваясь сигаретой. – Расскажу! Только потом, сейчас сделаем кое-какие дела, а потом расскажу. Давай одевайся и поехали. Пойду пока выгоню машину из гаража. – Он вышел из столовой. – Вика! Ключи от дома на тумбочке, – донеслось уже из прихожей.

Виктория быстро оделась и вышла вслед за ним на улицу. Погода была ясная, солнечная и если бы не холодный ветер, то вполне могла бы сойти за летнюю. Вадим не торопясь вышел из машины, открыл перед Викой дверь и спросил, улыбаясь:

– Ты дом закрыла?

– Конечно! – она подошла к машине и села рядом с ним. – А куда мы едем? – спросила она, усаживаясь поудобнее.

– Пижаму тебе новую будем покупать, – опять с улыбкой на лице ответил Готовский.

– Не нужно! Давай лучше заедем за моей пижамой, я к ней уже привыкла.

– Пустое. Может, и привыкать к новой не нужно будет, –

проговорил он с улыбкой и задумчиво посмотрел на нее.

– Вадим! Послушай, мне не нужно...

– И перестань со мной спорить! – решительно оборвал он ее.

Виктория откинулась на спинку сиденья и не сказала больше ни слова за все время поездки. Они приехали в гипермаркет, что находился по Югорскому тракту, где долго ходили по бутикам с одеждой, обувью, бельем и вышли оттуда почти через два часа. Виктория шла рядом с ним расстроенная и почти не разговаривала, лишь односложно отвечая на его вопросы. Ни одна покупка с ней не обсуждалась. Она мерила, а он смотрел, одобрял и оплачивал. Когда сели в машину, она тихо, но твердо сказала:

– Вадим, давай договоримся с тобой, – спокойно, но твердо произнесла девушка. – Такой поход в магазин был в первый и последний раз.

Ее серо-зеленые глаза ясно говорили ему о том, что она сердится.

– Ты не рада покупкам? Все вещи, которые мы купили, красивые и дорогие. Я старался, я хотел сделать для тебя что-нибудь приятное. Вика! Ты что, обиделась на меня за это? – спросил он, удивляясь ее реакции. – Обычно женщинам нравятся подарки! – произнес он неуверенно. – Разве с тобой не так?

– У меня нет опыта получения таких дорогих подарков. Ты заплатил за все бешеные деньги! Я считаю, что такие до-

рогие подарки женщина может получать либо от мужа, либо от любовника, но уж никак не от случайного знакомого. – сказала Виктория обиженным голосом и демонстративно отвернулась к окну.

– Так в чем же дело? – растерянно произнес он. – У тебя есть возможность исправить эту ситуацию.

– Что ты хочешь этим сказать? – Вика поспешно повернулась и удивленно посмотрела на него, но ее вопрос остался без ответа.

Он вставил ключи в замок зажигания, мотор мягко заурчал, машина выехала с платной стоянки и плавно покатила по направлению к перекрестку.

– Вика, ну не дуйся на меня, пожалуйста, – произнес он через какое-то время и, не дождавшись на свою реплику ответа, замолчал. – Хорошо, можешь считать это моей прихотью. Я это сделал, потому что я этого хочу.

– Вот-вот! Счастье мужчины называется – хочу. Эти слова, сказанные Ницше, для тебя подходят прямо-таки идеально.

– Что? – шутя возмутился Готовский. – А что же он про счастье женщин тогда говорил, а?

– Неважно, – пробормотала Вика и повернулась к окну, почти касаясь его виском.

– Как это неважно? Давай выясним все до конца.

– Счастье женщины, – она помолчала, а потом продолжила более тихим голосом, – состоит из того, что хочет он. –

Она посмотрела на него серьезно и пристально, старательно сжимая губы, чтобы они не расползлись в улыбку.

– Вот видишь! – рассмеялся Готовский. – Будем считать, что мы с Ницше союзники в какой-то мере. Ладно, у меня есть для тебя интересное предложение. Поехали, выпьем где-нибудь кофе – нам с тобой действительно требуется хотя бы небольшой отдых после похода в магазин.

– Я согласна на кофе, поехали. Но только на кофе!

Кофе они пили в небольшом уютном ресторанчике, который располагался на территории архитектурного памятника – эдакого небольшого островка старого города, представленного деревянной часовней и несколькими старинными бревенчатыми домами, построенными без помощи какой-либо техники и инструментов, вручную. Вика заказала себе кофе по-венски, с огромной шапкой взбитых сливок, а Вадим пил черный кофе, да еще без сахара. Виктория с удовольствием пила свой кофе, глядя через окно на улицу. Мимо кафе неторопливо прогуливались люди, и она рассеянно наблюдала за ними, изредка провожая их взглядом. Она почувствовала на себе внимательный взгляд Вадима и повернулась к нему.

– Все еще сердишься на меня?

– Нет. Не сержусь, – она подняла на него глаза от чашки, которую крутила в руках. – Но это не потому, что я передумала. Просто не могу долго сердиться. – Она увидела веселые искорки в его глазах и тоже улыбнулась. – Можно тебя

спросить, Вадим? Ты жене тоже вот так все покупаешь?

– Как «так»? – недовольно переспросил он, и веселые искорки моментально улетучились из его глаз.

– Собственноручно, не спрашивая, нужно ей это или нет? Или ты всегда знаешь, чего она хочет?

– Нет! Мне только этого не хватало, – он моментально начал сердиться. – Я даже понятия не имею, чего именно она хочет и что вообще имеется в ее гардеробе. Вместе мы мало куда ходим. Отдыхаем всегда в разное время. На работу я ухожу, когда она спит, а с работы я всегда поздно возвращаюсь. Хотя карту ее я регулярно пополняю. Надеюсь, я ответил на твой вопрос? – он нахмурился, рассеянно глядя по сторонам.

– Более чем! Прости! Я совсем не хотела тебя обидеть. – Она увидела, как по его лицу метнулась тень и быстро исчезла, а его настроение резко сменилось с недовольного на более благодушное, но тем не менее он все еще продолжал хмуриться и молчать.

Девушка уже сожалела о сказанном, но слово, как говорится в пословице, не воробей, вылетит – не поймаешь. Вика решила сменить тему разговора, чтобы не нервировать Готовского и хоть как-то попытаться его успокоить. – Вадим, сегодня выходной, а ты уехал на работу в семь утра. Где ты работаешь?

– Трест «Северавтодор», – последовал его лаконичный ответ.

– Еще вопрос можно? – осторожно промолвила она.

– Можно! – он ухмыльнулся.

– Кем ты работаешь в тресте?

– Я главный инженер треста. – Его глаза постепенно оттапли и сейчас снова лучились веселыми искорками.

– Понятно! Значит, у тебя привилегии не только в зарплате, но и в ответственности. И работа с ненормированным рабочим днем.

– Не только! Я живу ради работы. Но иногда это начинает напрягать, вот как сейчас.

– А что изменилось сейчас? – живо поинтересовалась она.

– Кое-что изменилось! Я встретил тебя, и мне хочется хорошо провести время, пообщаться с тобой, а я вместо этого половину дня провел на работе.

– Вадим! Ваш трест «Северавтодор» строит все дороги в городе? – Виктория сделала вид, что она не расслышала последней фразы.

– Не только! Скажем так, мы проводим ремонт, эксплуатацию, реконструкцию и строительство автомобильных дорог и зимников. Мы обслуживаем практически всю дорожную сеть ХМАО – Югры.

– Значит, вы работаете не только в Сургуте, но и по всему округу?

– Да! Структура нашего треста ХМАО «Северавтодор» состоит из центрального аппарата управления и десяти филиалов, расположенных в самых крупных населенных пунктах.

тах округа: Сургуте, Нижневартовске, Лангепасе, Нефтеюганске, Ханты-Мансийске, Нягани, Урае, Советском, Белоярском и Когалыме. – Он закурил сигарету. – В общей сложности филиалы содержат две тысячи восемьсот километров федеральных и территориальных дорог, двести одиннадцать мостов и девятьсот пятьдесят километров автозимников. – Он поднял на нее глаза и увидел заинтересованный, внимательный взгляд ее красивых зеленых глаз. – Тебе что, все это действительно интересно? – удивился он.

– Очень! Ты очень интересно говоришь. Расскажи еще что-нибудь о своей работе, пожалуйста.

– Производственный арсенал нашего предприятия... – ему не давали покоя и сбивали с мысли ее зеленые глаза, и, чтобы сосредоточиться, он потер висок. – Среди филиалов нашего предприятия есть единственный в своем роде специализированный мостовой филиал № 8. Он выполняет работы по содержанию и ремонту искусственных сооружений. Главный объект филиала – уникальный автодорожный мост необычной конструкции через реку Обь, ты его наверняка видела, это первый вантовый мост в азиатской части России, открытый нами в 2000 году. – Виктория согласно кивнула, и он продолжил: – На производственной базе № 3 у нас в Сургуте открыт цех по изготовлению дорожных знаков, который оснащен новейшим техническим и электронным оборудованием. Наш автопарк включает в себя одну тысячу сто тридцать единиц техники, в том числе восемь укладочных

комплексов и семнадцать машин для нанесения разметки (производства фирмы Hoffman). В нашем трудовом коллективе полторы тысячи специалистов и рабочих. Я тебя не утормил? – спросил он, затушив сигарету. И увидел, что на него по-прежнему замороженно смотрели ее зеленые глаза.

– Нет! Нисколько! Мне очень интересно с тобой, – заду-мавшись, не сразу ответила она.

– Скажи, а твоя предстоящая свадьба с Ильей Ремизовым... Неужели ты совсем не разбираешься в людях? Или ты его так сильно любишь, что не замечаешь ничего? Чем он вообще мог тебя привлечь? Я бы понял, если бы он был богат, а так... Что в нем есть такого необычного, чем бы он мог заинтересовать такую красивую девушку, как ты? – спросил Готовский, наконец, о том, что весь день не давало ему покоя.

– При чем здесь богатство? – удивилась Виктория. – Я, наверное, покажусь тебе старомодной, но больше всего ценю в человеке его душевные качества, а не толщину его кошелька и дешевые понты.

– Подожди-подожди! Ты сейчас обмолвилась о дешевых понтах, имея в виду наш сегодняшний шопинг? Это что, намек? – изумленно уставился он на нее.

– Вадим! Я ничего не имела в виду, успокойся, – она улыбнулась. – И чего ты так всполошился?

– Ну-ну! – недовольно воскликнул он, не реагируя на ее увещевания. – Ладно, продолжай дальше! Что ты там хотела

еще сказать? Извини, я тебя перебил, – хмуро произнес он.

– Не страшно! – она задумалась на мгновение, снова посмотрев в окно. – Просто так получалось, что я еще по-настоящему ни в кого не влюблялась. Точнее, я так думала пока...

– А по-настоящему – это как? – улыбнувшись, спросил Готовский, аккуратно стряхивая пепел с сигареты в пепельницу.

Вике нравилось смотреть на него, на его точные, размеренные и аккуратные движения. Он удивительно двигался. У него была какая-то особая пластика. Даже самое обычное движение его руки, стряхивающей пепел в пепельницу, было завораживающим, и она с трудом оторвала свой взгляд от его руки.

– Это как пишут в романах, – авторитетно заключила она и рассмеялась. – Знаешь, до вчерашней ночи я была уверена, что он меня любит, и думала, что этого будет вполне достаточно. Он, конечно, не идеален. У каждого человека есть свои недостатки и свои достоинства. Важно их видеть. Понимаешь, – Виктория сделала характерный жест руками, – человек устроен так, что, когда у него есть осознание собственной свободы выбора, у него обостряется критичность, и это нормально, естественно. Когда свободы выбора нет, то человек вынужден приспособливаться, и тогда уже критичность начинает ему мешать. Чтобы выжить в такой ситуации, он должен стараться не замечать недостатков и акцентировать

внимание на достоинства своего избранника, может быть, даже придумать, нафантазировать их или сильно преувеличить.

– Значит, в Илье ты старалась эти достоинства придумать. Только зачем тебе это? Отчего у тебя, такой необыкновенной девушки, вдруг не стало свободы выбора? – искренне удивился он. – Я тебе одно могу сказать: выйдешь замуж без любви, жизнь долгой покажется. Уж поверь мне. И еще тебе хочу сказать на правах старшего по возрасту: женщине следует знать, что отношения, в которых мужчина получает больше, чем дает, разрушают его. – Готовский сосредоточенно крутил в руках зажигалку. – Ты такая умная, красивая. С женихами проблем быть не должно! Ты ведь медик, кажется?

– Да. Я – хирург и работаю в травмцентре. Моя специальность – общая хирургия.

– Что? Ты – хирург? Да ладно? Вот никогда бы не подумал. Ты такая хрупкая, нежная девочка... – он не скрывал своего удивления и даже в какой-то мере восхищения. – Нет, я не могу в это поверить, – рассмеялся он.

– Ну не такая уж и хрупкая... – начала хмуриться она. – Я в этом совершенно не вижу ничего смешного, – слегка обиделась Виктория.

– Извини! Нет, не думай, никакого пренебрежения в моих словах нет. Просто я очень удивлен. – Он коснулся пальцами ее руки и улыбнулся. – Извини, я не хотел тебя обидеть.

Всего одна его искренняя улыбка – и ее обида мгновенно улетучилась без следа, как будто ее и не было.

– Вот уже пять лет, как я начала самостоятельно работать. У меня есть сертификат, – доверительно сообщила ему Вика. – И мне моя работа очень нравится. Ведь еще царь Соломон говорил: «Человек должен быть счастлив при том, что он делает».

– А еще говорят «с нелюбимой работой, как с нелюбимой женой». Знаешь, я рад за тебя. Работа у тебя очень сложная, ответственная и необычная.

– Работа нормальная, как любая другая, хотя в ней временами и присутствует масса негатива. Иногда возникают сложности в общении с пациентом, потому что пациент – особая категория людей. Всегда следует помнить, что доктору нельзя проявлять свои эмоции, ведь нервничать и раздражаться во время приема полагается только больному. Врач должен успеть за то минимальное количество времени, которое отведено на прием, уделить пациенту максимум внимания: заполнить бланки, выслушать его жалобы, задать ему необходимые вопросы, получить на них ответы, осмотреть больного, порекомендовать в случае необходимости более детальное обследование, оставаясь при всем этом предельно корректным. Сама операция – это уже не так страшно, как кажется. Ладно, не хочу и не буду тебя грузить излишними подробностями своей работы. Но есть в моей работе и масса позитива. Я имею в виду тот момент, когда пациент выпиши-

вається из клиники здоровым! В этот момент испытываешь такую радость, даже можно сказать не просто радость, а поистине огромное моральное удовлетворение!

– Ты умница.

– Ты меня захвалишь! – рассмеялась Вика.

– Я все хочу тебя спросить, где ты нашла своего Илью?

– Да я его совсем и не искала. Познакомились мы с ним совершенно случайно. Мои друзья оформляли кадастровый план на свою дачу. Он его и оформлял. Столько у них было беготни с присвоением кадастрового номера. Мы с Лизой не раз ездили в кадастровую палату. Кстати, его мать тоже, как и я, из Краснодара, но они живут здесь очень давно. Мы с ним почти земляки, почти – потому, что он родился здесь, в Сургуте. Кстати, жена Павла Евгеньевича, в доме которого мы были вчера, родная сестра его матери.

– Знаешь, я старше тебя... В жизни так случается... Порой человек сам не знает, чего хочет, потому что разум говорит ему одно, а сердце зачастую говорит ему совсем другое. Пройдет какое-то время, и поймешь, что выбирать нужно не то, что разумно, а то, чего искренне хочешь сама. Иначе через много лет пожалеешь, глядя на нелюбимого мужа... может быть, на нелюбимую работу... и жизнь в целом...

– Вадим, извини, но ты говоришь банальные вещи. Я не маленькая, да и ты не настолько старше, чтобы брать на себя обязанность моего воспитателя. Тебе не кажется?

– Ты обиделась?

– Нет.

– Просто мне хочется тебя уберечь от... Защитить...

– Я понимаю, поэтому и не обижаюсь, – улыбнулась Виктория. – Я не наделаю глупостей, не бойся.

– Вот и хорошо. Ну что ж, пожалуй, нам пора. Поедем домой? Мы идем сегодня вечером в ресторан, – он взглянул на свои золотые часы, – и у нас осталось не так уж много времени. Тебе наверняка потребуется немало времени на то, чтобы одеться к ужину.

Вика посмотрела на него с тоской во взгляде и попросила, нежно прикоснувшись пальцами к его руке:

– Вадим! Не смотри так часто на свой золотой Rolex, и, если можно, давай поход в ресторан перенесем на завтра.

– Это – Бреге.

– Что?

– Мои часы марки Breguet, в корпусе из 18-каратного розового золота, – пояснил Готовский.

– Знаменитые часы Бреге? Тот самый Breguet – из глубины веков. Вот это да!

– Ты хорошо знаешь эту марку часов? – удивился Готовский и с улыбкой посмотрел на Викторю.

– Нет! Зато я помню, как о них писал Пушкин в «Евгении Онегине». А ты помнишь? – и увидев непонимающий взгляд Вадима, продолжила: – Ну как же! «Онегин едет на бульвар и там гуляет на просторе, пока недремлющий Breguet не прозвонит ему обед».

– Упоминание в величайшем романе русской литературы делает большую честь легендарной марке Breguet и ее создателю Абрахаму-Луи Бреге.

– Судя по тому, как Пушкин описывал Онегина, отпрыска из богатой дворянской семьи, тот любил изысканные и дорогие вещи. Ты тоже любишь дорогие часы?

– Как тебе сказать... Мне эти часы нравятся, но они далеко не самые дорогие из часов этой марки. Они надежные, а я больше всего в жизни ценю надежность и стабильность.

– Это касается также отношений с людьми?

– Только ближнего круга общения, – нехотя пояснил он. – Правда, этого не случилось с моими семейными отношениями.

– Ты не можешь нести за это ответственность один. В семье за это отвечают двое, – убежденно произнесла Вика.

– Возможно, – криво усмехнулся Готовский. – Так, не отвлекай меня! Почему ты отказываешься идти в ресторан? – настойчиво спросил он девушку.

– Я так устала от магазинов, что меня совсем не прельщает перспектива провести остаток приятного вечера в ресторане. Кроме того, не хочу светиться с женатым мужчиной... – она с лукавой улыбкой на губах легко коснулась его руки и протянула: – Ну пожалуйста, Вадим!

– Так, значит. Думаешь, я ничего не понимаю и не заметил, как в ход уже пошла тактильная коммуникация? Ладно, согласен. В ресторан пойдем завтра. Подожди, а как же

ужин? – с опозданием забеспокоился он.

– Сейчас заедем в магазин, купим продукты. Голодным ты спать сегодня не будешь, это я тебе обещаю.

– Ну, если только ты обещаешь, – протянул он с надеждой и засмеялся.

– Вот только не надо смеяться!

– Я не смеюсь! Скажи, а ты за чью репутацию больше переживаешь? За мою или за свою? – поинтересовался Готовский, поднимаясь со своего места и протягивая ей руку.

Виктория поднялась, и Вадим, поставив на место ее стул, взял ее за руку и повел за собой. Девушка с удовольствием ощутила тепло его большой руки, и на душе стало спокойно и радостно.

– А кто у нас связан узами брака? Конечно, за твою! – произнесла она, заглядывая ему в лицо. – Городок-то у нас маленький. Всего-то четыреста тысяч населения.

Они заехали в тот магазин, который попался им по пути домой, где купили все те продукты, какие запланировали еще по дороге, не забыв прихватить свечи. Поэтому вечером у них был настоящий романтический ужин при свечах. После ужина они долго сидели за столом и разговаривали обо всем, что только приходило им в голову, удивляясь, как много у них общего. Им было интересно общаться друг с другом, а темы для разговоров не заканчивались, одна сменяла другую. Они спешили поделиться своими воспоминаниями, перескакивая с одного на другое: о детстве, школьных годах,

о студенческой жизни. Говорили о своих мыслях и чувствах. Они понимали друг друга с полуслова. Запретных тем для них не было только благодаря возникшему между ними доверию друг к другу. После такого продолжительного общения обоим уже стало казаться, что они знают друг друга всю жизнь, просто давно не виделись. Вика смотрела на Вадима и думала: «Удивительно, до чего же с ним легко и интересно. С ним можно откровенно говорить обо всем, и темы для разговоров не кончаются. И это лишь подтверждает то, что он может и хочет делиться информацией о себе, и, кроме того, ему также интересно получать информацию о других и обо мне. Черт! А может, это всего лишь эффект попутчика? Он считает, что мы встретились случайно, будем вместе недолго и можем никогда больше не встретиться? Как же мне это сразу в голову не пришло?»

– Что случилось? – глядя на ее расстроенное лицо, спросил Вадим. – Я сказал очередную бестактность?

– Нет, – с трудом проговорила Вика, качая головой.

– Но ты расстроилась, я же вижу!

– Так. Глупости всякие в голову лезут.

Они принялись рассказывать друг другу о своих друзьях, с которыми давно дружили. Вадим поведал ей даже семейную сагу о своем друге, который имел взрослого сына и постоянно конфликтовал с ним по поводу его частых ночевок вне дома. В тайне он мечтал поскорее его женить, чтобы иметь возможность спихнуть надоевшие заботы о своем велико-

возрастном сыне на хрупкие плечи его будущей жены, пере-
доверив, таким образом, ей право тревожиться за него в мо-
менты его отлучек из дома. Он рассказывал о том, как Игорь
Левинский с женой постоянно волновались за своего сына,
не спали ночами, гадая, где он и с кем проводит время.

– Может, им не стоит так грубо вмешиваться в его личную
жизнь? – с сомнением произнес Готовский. – Я бы не стал
этого делать. Ведь Левинский-младший достаточно взрос-
лый человек...

– Это так! Куда проще будет, если родители будут знать,
что его личная жизнь не нарушает жизнь их семьи, и они, в
свою очередь, не будут нарушать его планы. Если их сын хо-
чет жить мирно со своими родителями, то он не должен про-
воцировать их агрессию. Вот такой закон совместного сосу-
ществования. Вот именно это нужно было втолковывать ему
еще в подростковом возрасте, – высказала свое мнение Вика.

– Ты так считаешь? – удивился Готовский. – Мне такое
не приходило в голову. Интересная мысль. – Он задумчиво
посмотрел на нее.

– Да. Должна тебе сказать, что так считаю не я одна. –
Она с улыбкой посмотрела на него. – Вообще, многие ро-
дители, и мои в том числе, стараются держать даже взрос-
лых детей, вроде меня, на коротком поводке. Но ведь так не
должно быть! Я до сих пор мечтаю получить от них хотя бы
немного понимания и принятия меня как взрослой лично-
сти, со своими правами и желаниями.

– По-моему, это абсолютно несбыточное желание. Если этого не было в твоём детстве и юности, то откуда это возьмётся сейчас?

– Черт возьми, мне безумно хочется, чтобы моя мама признала хоть какие-то мои достоинства, все равно какие...

– Тебе не следует раздражаться по этому поводу! Ведь и ты, и твои родители – взрослые люди. Вот и общайся с ними на уровне взрослых людей. Ты просто до сих пор осталась маленькой девочкой. – Он рассмеялся и, шутя, притянул ее к себе. – А достоинств у тебя очень много, – добавил он, улыбаясь.

– Вадим! Нет! Я же отлично понимаю, что главный принцип отделения я не могу выполнить. Пока не могу. Вот поэтому я и решилась на замужество, – добавила она тихо. – Вряд ли у меня с родителями когда-нибудь получится выстроить взрослые отношения. Во всяком случае, пока не получается.

– Не переживай. Пройдет время, и ты с ними сможешь подружиться, ну а если нет – ограничишься посильной практической помощью.

– Ты прав. Вадим, а какого возраста твои сыновья?

– Семнадцать и двенадцать. Считаю, что это самый сложный возраст. Возраст формирования личности, формирования взглядов и представлений о мире. Все так сложно. Старший сын озабочен поиском смысла жизни. Причем озабочен не поиском смысла жизни вообще, а его интересует поиск

смысла своей собственной жизни. У младшего пока на уме компьютерные игры и спорт, но у него сейчас сложный пубертатный период, сама понимаешь...

– Юношеский максимализм и отрицание всего, что сделано старшим поколением, а также отсутствие всяких авторитетов. Хотя у твоих сыновей такого быть не должно. Ведь с таким отцом, как ты...

– Каким «таким»? – с напряжением в голосе спросил Готовский.

– Вадим, мне кажется, что ты замечательный отец, – уверенно произнесла Вика и тепло улыбнулась ему.

– Да? Не уверен. Я мало времени провожу с семьей. Работа занимает большую часть моей жизни, ну и кое-какие увлечения тоже требуют времени. Правда, спортом мы занимаемся вместе. Знаешь, у меня интересные парни получились, – признался он с гордостью.

– Вадим, ты часто играешь в преферанс? Тебе нравится эта игра?

– Нравится, но играем мы нечасто. А что?

– Ты давно играешь?

– Давно. Знаешь, я познакомился с преферансом где-то лет в двенадцать-тринадцать. Двоюродный брат, старше меня лет на двадцать, почему-то любил брать меня в свою компанию. Интеллигентные люди, преподаватели в вузах, как минимум раз в неделю собирались на тесной кухне, чтоб подрюмочку коньяка распisać пулюку. Игра затягивалась глу-

боко за полночь, сигаретный дым просачивался из балкона на кухню, надежно пропитывая всю одежду, вплоть до исподнего. И ведь что характерно, родители спокойно отпускали меня с Володей, никаких вопросов, несмотря на красные глаза и запах сигарет от одежды. Какой это кайф – быть причастным к настоящему взрослому миру! Вот именно тогда преферанс прочно обосновался у меня в душе. Занял ту особую нишу, которая числится в верхних рядах рейтинга «А что хорошего происходило в твоей жизни?». А потом университет, общага. Это был новый виток моих взаимоотношений с преферансом. Я в полной мере ощутил, что значит «коммерческая игра». Или игра «на интерес». В общаге мы играли на деньги. Ставки были небольшие, но я редко проигрывал. Вообще, за карточным столом очень хорошо проявляются качества людей. Кто-то надеется на холодный расчет. Такого и по жизни, и в игре легко вывести из равновесия неожиданным раскладом. Кто-то максимально боится от всех неожиданностей. Заказывает меньше, чем может сыграть. Посмотришь на него – а он и по жизни звезд с неба не хватает. Тот случай, когда говорят: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». Кто-то верит в свою удачу и лезет на рожон. Надеется на удачный расклад, надеется, что его не «словят» на инфарктном мизере. Верит, что в прикупе будет нужная карта. Он – король стола. Он играет больше всех. Но у него самая высокая горка. И его со всех сторон обложили вистами. И не так уж ему сладко, как он силится пре-

поднести. И его сегодняшнего выигрыша едва хватит, чтоб покрыть прошлые долги.

Вот именно за это и любят преферанс. В нем – все, как в жизни. Опыт и самообладание дадут фору слепому везению. Хорошему игроку все равно, какие карты у него на руках. Даже при крайнем невезении он останется в нулях или проиграет мало. А плохому игроку никакой фарт не поможет. Достаточно одного «паровоза» на мизере, чтобы свести на нет все прошлые улыбки фортуны. Очень многие сдружились благодаря преферансу, имеют уже многие годы деловые и дружеские отношения. Практически никогда эти альянсы не распадаются из-за ерунды. Преферанс как лакмусовая бумажка, проявляет все качества человека, ведь в преферанс играют не только хорошие люди, играют всякие, но, если в тебе есть червоточина, это хорошо видно во время игры. Преферанс тем и хорош, что в нем, как в увеличительном стекле, проявляются все качества человека, как хорошие, так и плохие. Пример тому – Илья Ремизов.

– Как интересно! Вадим, научи меня играть, пожалуйста!

– Вика, – он рассмеялся, – это игра не для девочек, и дело вовсе не в вопросе дискриминации полов. Ну просто так принято, так сложилось в полуторавековой истории преферанса в России.

– Вадим, ну пожалуйста! – взмолилась она, взяв его за руки. – Мне очень интересно.

Он взглянул на часы, висевшие на стене, и, осторожно

освободив свои руки, сказал, не глядя на нее:

– Вика, извини, но уже поздно, и я хочу спать. Давай все отложим до завтра.

– Это ты меня прости, я совсем забыла, что ты сегодня почти не спал.

Он поднялся и, пожелав ей спокойной ночи, ушел к себе. Вика огляделась вокруг себя и, довольная наведенным порядком, решила принять душ. Нежась под горячими струями воды, она физически ощущала, как вокруг нее сгущается пустота. Его не было рядом каких-то десять-пятнадцать минут, а на душе стало пусто и одиноко. Она вошла в свою комнату, надела купленную сегодня красивую шелковую пижамку и села на постель. Неожиданно ход ее мыслей был нарушен посторонними звуками. Совсем рядом раздались звуки, напоминающие тихое постукивание. Вика подобрала ноги под себя. Звуки вскоре повторились. Тихие, размеренные, они ни с чем не ассоциировались у нее. Ей стало не по себе. Виктория соскочила с кровати и, выскочив в пижаме из комнаты, громко крикнула:

– Вадим! Вадим!

– Что случилось? – Она увидела, как Готовский быстро спускается по лестнице.

Он был в шортах и с голым торсом, загорелый и безумно красивый.

– Что такое? – еще раз с беспокойством в голосе спросил он Вику.

– Вадим, мне кажется, там кто-то есть! – волнуясь, сказала она, показывая рукой в сторону комнаты.

– Где? – улыбаясь, спросил он.

– Там, в спальне. Я слышала неизвестные и какие-то странные звуки, – она нервно сглотнула.

По его улыбающемуся лицу и насмешливому взгляду она поняла, что он ей не поверил и, более того, считает, что она придумала повод, чтобы вызвать его. От этих мыслей ее бросило в жар и щеки покрылись густым румянцем. Она решила доказать ему, что он ошибается.

– И знаешь, они совершенно ни на что не похожи. – Она вошла в комнату первая – он вслед за ней. – Только тихо! – она прижала палец к губам.

– Тебе очень идет эта пижама, – оглядываясь на нее, сказал он, и тут услышал тихое постукивание по ламинату.

Он присел на корточки возле кровати и заглянул под нее, стараясь что-то там разглядеть.

– Вадим, осторожно, вдруг там что-то такое, страшное? – Она подошла к нему поближе и осторожно коснулась его плеча.

– Вот кто тебя так пугал! – Он достал из-под кровати довольно большую черепаху и засмеялся. – Пацаны до отъезда выпустили ее погулять и потом потеряли ее, а искать было лень. – Пойдем, покажу тебе, где она живет.

Они поднялись на второй этаж и зашли в комнату младшего сына. Здесь и стояла на тумбочке клетка для черепахи.

Вадим поместил ее на место, и она зашуршала древесными опилками. Они несколько минут смотрели на нее с интересом.

– Какая красивая. Ой, посмотри на ее глазки, какие интересные, кругленькие, – Вика коротко вздохнула и подняла глаза на Вадима.

Он стоял и откровенно рассматривал ее любующимся взглядом. Его глаза потемнели от желания. Виктория смотрела на него и не могла отвести от него глаз. От него исходили такие энергетические волны, которые будоражили Вику, не давая ей сосредоточиться на чем-то определенном. Они молчали, глядя друг на друга.

– Пойдем, провожу тебя, теперь, надеюсь, тебе будет не страшно? – севшим от волнения голосом проговорил он, взяв ее за руку, и они начали вместе спускаться по лестнице. От его прикосновения по ее телу прошла легкая, пьянящая дрожь. Дойдя до комнаты, Вика удержала его руку, сказав только:

– Не уходи! Останься со мной!

– Вика, ты не пожалеешь об этом? – он смотрел на нее горящим взглядом, а его губы пересохли от волнения и едва двигались. – У наших отношений не может быть будущего, я не брошу семью. Не потому, что мне в ней так кайфово, а из-за чувства долга. Я говорю тебе все это потому, что ты не такая, как все. Ты особенная. Ты достойна лучшего будущего. Я безумно хочу тебя, но... Я не хочу тебе портить жизнь,

хотя мне этого очень хочется.

– Я понимаю. И все-таки не уходи, – тихо прошептала она пересохшими губами, задыхаясь от нахлынувших чувств.

Она шагнула к нему, и он, схватив ее за плечи, с силой притянул к себе, отчего по ее телу вновь прошла знакомая дрожь. Он подхватил ее на руки и, прижимая к себе, понес на кровать. Ее руки нежно обвивали его шею, он чувствовал ее легкое дыхание на своей щеке, и от эмоций, мгновенно захлестнувших его, сразу нечем стало дышать. Их губы встретились, и в этот самый момент мир перестал существовать для нее.

А дальше они оба уже плохо помнили то, что происходило потом. Его поцелуи сводили ее с ума. Он ничего не чувствовал сейчас кроме ее нежных объятий и ласковых губ. Они рухнули на постель, продолжая дарить друг другу всю нерастраченную нежность и ласку, которую оба так долго хранили в себе, казалось, специально приберегая для этой единственной и самой важной встречи. Она испытала безумное удовольствие от того, что чувствовала его внутри себя, и, повинаясь инстинкту, двинулась ему навстречу. Ничего не ощущая уже, кроме влажной и такой зовущей теплоты внутри нее, устремляясь снова и снова в ее глубину, он мгновенно вылетает за грань времени и пространства. Он вознесся на пик невысказанного блаженства, огласив комнату громкими стонами. Она чувствовала, как мышечные спазмы скручивают все ее внутренности, и, выкрикнув его имя, вслед за

ним взрывается ярким оргазмом. Они долго лежат рядом, прижавшись друг к другу, оглушенные близостью, призрачным счастьем, не имея сил даже на то, чтобы пошевелиться. Постепенно к ним возвращалось осознание реальности, восстанавливалось сбившееся дыхание, но они по-прежнему продолжали лежать, крепко сжимая друг друга в объятиях. Только спустя время они начали дарить друг другу нежные короткие поцелуи и ласковые прикосновения.

– Скажи, что это сейчас такое было? – шепотом спросил он, нежно глядя ее по слегка влажным волосам и целуя ее лицо, шею, плечи.

– Не знаю! Вадим! Мне так хорошо с тобой, – призналась Вика, возвращая ему поцелуй.

Она прижималась к нему, и ее руки скользили по его телу, продолжая ласкать его. Он нежился под ее ласковыми прикосновениями, замирая от удовольствия и ощущая себя на седьмом небе от счастья.

– Вадим, милый Вадим! Мне так хорошо еще никогда не было.

– Ты моя сладкая! – он целовал ее снова и снова. – Я серьезно, у тебя губы сладкие.

Он продолжал ее целовать, и этих поцелуев не было много, их хотелось еще и еще. Они нежно переговаривались, перемежая разговоры объятиями и поцелуями. Им столько еще хотелось сказать друг другу, тем более что оба понимали, как мало у них впереди осталось времени. У обоих появилось

удивительное ощущение душевной близости, может, от того, что встретились две их родственные души? Вадим нежно погладил ее по щеке.

– Девочка моя, что ж ты мне встретила-то так поздно! Господи! Все могло бы быть у нас совсем по-другому!

– Это нам только так кажется, что какие-то события в нашей жизни случаются в неподходящее для нас время! На самом деле все происходит строго в свое время. И мы с тобой тоже встретились в свое время! И хорошо, что вообще встретились! – Она нежно потерлась щекой о его плечо и поцеловала его. – Я где-то читала о родственных душах, которые находят друг друга тогда, когда наступает нужное время – даже если они находятся в разных мирах.

– Уверена, что мы с тобой родственные души? – он с легкой усмешкой посмотрел на нее.

– Думаю, что да. Родство душ можно почувствовать с первой секунды или не почувствовать никогда. Время знакомства для этого не имеет особого значения.

– Ты действительно так считаешь? – переспросил он, внимательно глядя на нее.

– Я в этом уверена, – почему-то шепотом сказала она. – И еще я знаю точно, что у каждого человека случаются такие встречи, которые переворачивают его душу.

– Но ты меня совсем не знаешь... – он тоже перешел на шепот, осторожно погладив ее по плечу, и его серые глаза наполнились грустью и нежностью.

– Я тебя мало знаю, но я тебя чувствую! Понимаешь? Я даже не знала, что такие мужчины бывают.

– Это какие еще такие? – ревниво поинтересовался он.

– Такие, как ты! Необыкновенные. Мне хорошо с тобой. Боже! Как же мне с тобой хорошо! – Она увидела, как его зрачки расширились.

Он был так близко. Мужчина, которого она едва знает, но который стал ей так дорог. Она гладила его по плечам и груди, ощущая под ладонями его гладкую кожу и крепкие мышцы, и ее сердце наполнялось нежностью к нему.

Он ласково провел рукой по овалу ее лица. Его глаза, излучавшие желание и нежность, были так близко. Она чувствовала тепло его тела. Вика осторожно взяла его руку и поцеловала его ладонь, а затем поцеловала каждый его палец. Она почувствовала, как он весь напрягся, потому что и сам не знал до Виктории, где у него находится самая чувствительная эрогенная зона. Он мгновенно сжал ее в своих объятиях, жадно целуя ее мягкие, податливые губы. Волна страсти захватила обоих и накрыла их с головой. От его поцелуев кружилась голова и где-то там, в самом низу живота, снова начали порхать бабочки, и ей опять безумно захотелось, чтобы все повторилось. Немедленно, прямо сейчас. Как хорошо, что он это понял без слов. Он чувствовал ее каждой клеточкой своего тела. Вадим дождался ее, чтобы «улететь» вместе с ней. Он услышал ее крик, вторил ей сам и совершенно обессиленный рухнул на нее. Волна блаженства

затопила обоих. Виктории приятно было чувствовать на себе весь вес его тела. Позже, переворачиваясь вместе с ней на бок, он крепко прижал ее к себе, утыкаясь носом ей в шею. Они долго лежали на смятых простынях, обессиленные и счастливые. Оба чувствовали непреодолимую потребность в ласковых прикосновениях и поцелуях, которыми продолжали осыпать друг друга. Поход в душ не занял у обоих много времени. Он нежно прижал девушку к себе и почти сразу уснул крепким, спокойным сном, едва успев ей прошептать что-то бессвязно ласковое. Ничего не поделаешь – усталость после бессонной ночи накануне взяла свое. Вика лежала у него на груди и думала, продолжая нежно поглаживать его: «Чудес не бывает, это всем известно. Все, что произошло сегодня, как сон. Ведь почему-то всегда сбываются только плохие сны, а хорошие так и остаются светлым пятном в грустных воспоминаниях, не более. То, что сейчас происходило, было слишком чудесным, чтобы быть правдой, слишком невозможным, слишком неправдоподобным. Слишком сказочным. Как в плохом кино. Хотя вся наша жизнь похожа на плохое кино, которое никому не интересно. А вот когда кино на жизнь совсем не похоже, тогда его называют хорошим. Потому что потом можно помечтать и пофантазировать. Но ей мечтать не придется. Человек, в которого она влюбилась как дура, с первого взгляда, женат, у него семья и двое замечательных сыновей. Она не заметила, как уснула, ей казалось, она просто закрыла глаза на секундочку. Утром

их настойчиво пытался разбудить звонок сотового телефона Вадима, но две попытки были безуспешными. Только на третий раз Вика услышала мелодию звонка и пошла за телефоном в гостиную. Звонила жена Готовского. Девушка попыталась разбудить Вадима, нежно целуя его то в щеку, то в шею, то в подбородок, но едва успела коснуться его губ, как он улыбнулся и схватил ее, сжимая в объятиях. Все это время телефон продолжал звонить не умолкая. Наконец Готовский ответил чуть охрипшим со сна голосом:

– Да, слушаю!

– Привет! Спишь? До тебя не дозвониться.

– Привет! – Он притянул Вику за руку к себе, едва только она попыталась встать, чтобы выйти из комнаты, не желая слушать разговор супругов.

Он удержал ее и нежно коснулся губами ее виска.

– Мы уже вернулись из Турции, сейчас в Белгороде. Мальчишки ходили вчера к твоим.

– Как там родители? Все нормально?

– Я не спрашивала, если мальчишки ничего не сказали, значит, нормально. Пополни мою карту, а то деньги кончатся. Я купила себе кое-какие украшения в Турции, очень дорогие, кстати, поэтому денег не хватило.

– Ладно, пополню. Как парни?

– Да все нормально. Загорели, наплавались. Мог бы и позвонить.

– Не мог. Был занят.

– Догадываюсь чем! Давай, пока!

Он выключил телефон и пару минут лежал не двигаясь, с плотно сжатыми губами. Потом тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, и повернулся к Виктории:

– О чем задумалась?

– Вадим! А если бы ты был женат на мне, ты со мной так же бы разговаривал? – Она села на постели, прикрыв грудь простыней.

– Ты о чем?

– Вы даже не назвали друг друга по имени. – Она прижалась лбом к его плечу.

– Нет. С тобой мы бы так не разговаривали, ты совсем другая. Ты удивительная! – Его руки гладили ее по спине и плечам. – А моя жена... Просто у моей жены такой характер. Она очень прагматичный и рациональный человек. Никаких романтических «сюси-пуси» в отношениях она не приемлет. Если случаются малейшие разногласия, то она замыкается и месяц, а то и больше со мной не разговаривает. – Он замолчал, продолжая гладить Викторию по волосам, и в его глазах разливалась нежность.

– Даже не знаю, что сказать тебе на это. Если пользоваться медицинскими терминами, то это проявление одного из симптомов астенической психопатии.

– Проявление чего? – удивился он.

– Не пугайся. Это психопатия характера, которая относится к группе болезней пограничной психиатрии, – улыбнулась

Виктория.

– Я и забыл! Ты же доктор! – ухмыльнулся он в ответ.

– Мне жаль, что тебе бывает временами так плохо.

– Перестань, я привык, – сказал он, поглаживая ее по плечу. – Просто я стараюсь быть поменьше дома. Все нормально. – Он погладил ее по волосам, опустил в них лицо и шумно вдохнул их аромат.

Глядя ее нежно по спине, он сказал:

– Я тебя по запаху среди тысячи женщин узнаю. А волосы твои как пахнут! – Он снова опустил свое лицо в ее волосы. – Удивительный аромат! Мне вообще удивительно спокойно с тобой. Когда ты рядом, в душе воцаряется покой и умиротворение. Совершенно незнакомые, но такие классные ощущения.

– Мне тоже. Спокойно и уютно, – ответила Виктория.

– С чего бы это? Ты можешь сказать?

– Не-а! – Вика запустила свои тонкие пальцы в его волосы и увидела, как он блаженно закрыл глаза. – Как ты спал?

– Замечательно! – не сразу сказал он, не в силах разлепить веки. – Мне снились какие-то хорошие сны, – прошептал он мечтательно. – Правда, я их совсем не помню, – улыбнулся он. – Я так хорошо и спокойно давно не спал. Ночью проснулся, ты на груди у меня так тихо дышишь, так стало приятно и хорошо на душе.

Неожиданно зазвонил телефон Виктории. Она ответила сразу:

– Здравствуй, Илья! Хорошо, что ты позвонил. Я ждала твоего звонка.

– Вика, привет! Как ты?

– Все хорошо!

– Скажи, ты ведь меня простила, правда? Ну скажи, простила? – настойчиво продолжал допытываться Ремизов.

– Да что ты, конечно, простила! Я вот о чем думала все это время. Как хорошо, что ты сел играть, а еще лучше то, что ты проиграл в преферанс! – Готовский сел на постели, удивленно глядя на Викторию. В сердце ворохнулась ревность и обида на то, с каким воодушевлением Вика разговаривала с парнем. – Если бы не ты... В общем, я бы тогда никогда не встретила самого главного человека в моей жизни. А теперь... – она задумалась на секунду и решительно сказала: – Я благодарю Бога и тебя за то, что все случилось именно так.

– Ты о ком сейчас говоришь?

– Я говорю о Готовском. Он великолепный мужчина, мне с ним безумно хорошо. Илья, я очень тебе благодарна за эту встречу. Я все тебе сейчас сказала, что хотела. Пожалуйста, Илья, удали мой номер из своего списка и не звони мне больше никогда.

– Вика, Вика, подожди! Я все узнал про него. Мне рассказали такое про него... Ты себе и представить не можешь! Будь с ним осторожна.

– Да что ты? Меня очень тронула твоя забота.

– Не издевайся надо мной. Лучше прими к сведению...

Вика, он женат, у него была куча баб, он никогда на тебе не женится, он тебя бросит, Вика, а я...

– Я знаю, что он на мне не женится. Представляешь, мне до слез обидно сознавать это. Я так переживаю по этому поводу. Хотя это уже не важно. Важно то, что я знаю, что он есть. И мы живем с ним в одном городе, ходим с ним по одним и тем же улицам, ездим по одним дорогам...

Она выключила телефон и кинула его на пол, где он мягко стукнулся о ковер:

– Теперь все! Я свободна! Меня больше ничего не мучает. Он привлек ее к себе на колени и тихо спросил:

– Вика! Ты все это сказала ему назло? Или ты действительно так думаешь?

– Я действительно так думаю и чувствую, но покой твоей семьи я никогда не нарушу. Просто хочу, пока есть возможность, немного побыть счастливой. С тобой! Давай побудем вместе всю неделю, невзирая на то, что я с Ремизовым рассталась, а? Ведь у твоей жены ничего не убудет, она даже не узнает ничего. – Она видела глаза Вадима, в которых бушевали самые разные чувства. Он так сильно сжал ее в объятиях, что ей стало больно, но она вытерпела.

– Я такой ласковой и нежной женщины еще не встречал, – продолжая прижимать ее к себе и гладить по волосам, тихо сказал Готовский. – Знаешь, я в тот вечер еще сомневался, ехать на игру или нет? Помнишь, какая погода была? Дождь лил целые сутки. А потом что-то толкнуло в сердце, нужно

ехать. Сейчас как подумаю, что, если бы я не поехал? Мы бы никогда с тобой не встретились. Даже страшно становится.

– Вадим, вот поэтому давай и будем радоваться каждому дню, который нам с тобой отпущен.

– Согласен! Ты не забыла? Мы сегодня идем в ресторан. А пока пойдем перекусим чего-нибудь, иначе я умру от голода.

Они сидели за накрытым столом, с большим аппетитом ели и разговаривали, подтверждая старую истину, гласившую о том, что любовь вызывает чувство голода и комфорта.

– Мы с тобой сейчас правильно питаемся: употребляем в пищу так необходимые нам афродизиаки, то есть пищу, богатую белком.

– Ладно, посмотрим, поможет ли нам восстановить затраченную энергию эта пища влюбленных, – поддержал ее Вадим и довольно ухмыльнулся.

– Вадим, тебе сварить кофе? – Она обняла его за плечи, наклонилась и поцеловала его в шею, вдыхая в себя ставший таким родным запах его кожи.

– Конечно, у тебя это здорово получается, – похвалил он Вику.

Он взял телефон и позвонил в ресторан «Фрегат», уточняя заказ на вечер.

– Столик заказан на восемь вечера, – сообщил он Вике.

– На восемь так на восемь. Еще рано, то есть до вечера еще далеко, у нас с тобой уйма времени, – сказала Вика.

– Тебе еще потребуется немало времени для макияжа и одевания, – терпеливо пояснил ей Готовский.

– Вадим, не беспокойся! Мне его не так уж много потребуется, вот увидишь. Я приведу себя в порядок максимум за час. Это же нормально?

– Ну, девушка! – восхищенно произнес он. – Ладно, хорошо, проверим.

– Вот интересно: все мужчины не умеют ждать. Почему?

– У тебя такой большой опыт?

Вика смотрела на него широко открытыми глазами. На щеках от смущения заиграл яркий румянец.

– Нет. Практически никакого опыта нет, – твердо сказала она. – Но муж моей подруги и разговоры коллег на работе...

– Прости. Я, кажется, сказал бестактность. Меня не интересует твое прошлое. Меня интересует твое «сейчас» и твое «завтра». А за него я спокоен. Сейчас пятнадцать часов пятнадцать минут.

Они смотрели друг на друга и продолжали говорить молча, вполне понимая все и без слов. Виктория положила ему руки на плечи и тихо попросила:

– Вадик, давай поиграем. Ты мне обещал вчера.

– Поиграть сегодня вряд ли получится, – он поцеловал ее в носик, – потому что придется долго учиться. Хорошо! Садись быстро за стол.

Виктория послушно уселась за стол. Вадим принес колоду карт.

– Может, лучше в «дурака» поиграем? – с надеждой спросил он.

– Нет! Ты обещал показать, как играют в преферанс.

– О, Господи! Ну скажи мне, зачем тебе преферанс? Слушай сюда, упрямая девчонка! Сейчас я познакомлю тебя с несколькими прописными истинами, которые нужно тебе уяснить и запомнить, послушай их.

Главное в преферансе не тактика, не стратегия, не воля, главное – психология.

Заказывая игру, считай, сколько отдашь, а не сколько возьмешь.

Класс игрока определяет гора.

Главное не выиграть и даже не получить, главное – унести.

Вистуй без жадности, не перебивай взятки партнера.

Взятки нет – не вистуй. Второй вист на восьмерной ответчик.

А сейчас анекдот: «Человек в сберкассе снимает все деньги, очень большую сумму. Кассир интересуется:

– Купили что-нибудь?

– Купил, еще как купил!

– Дачу?

– Нет.

– Машину?

– Нет.

– А что же тогда?

– Два туза на мизере!»

Он смотрел на внимательные глаза Вики, ожидая, когда она засмеется, но вместо этого он услышал вопрос:

– Вадим, а что такое мизер?

– Я тебе неправильный анекдот рассказал, извини. Теперь еще придется объяснять тебе, в каком месте нужно смеяться. – Он посмотрел на нее с улыбкой. – Мизер, солнышко, это контракт, в котором заказавший его обязуется не взять ни одной взятки. В основном бывает мизер кабальный. Его возможно заказать только в том случае, если игрок не делал других заявок в процессе торговли. Если один игрок заказал мизер, перебить его назначение может только девятёрная игра. Объявивший мизер игрок открывает обе карты прикупа на всеобщее обозрение. Потом прикуп берется в руку, вот так, – показал Вадим, – откуда сносятся две любые карты. Пусть – эти! Снос никому не показывается. Если ход принадлежит разыгрывающему, то он должен сделать его до того, как противники откроют карты. Если первый ход принадлежит вистующим, то они открывают карты до первого хода. Козырей на мизере не существует. Старшинство карт сохраняется, как в обычной игре. На ход в масть обязательно нужно давать в масть, ход принадлежит игроку, взявшему последнюю взятку. Понятно? – Он прекрасно видел, что ей ничего не понятно, но тем не менее продолжил терпеливо объяснять.

– Игрок может пригласить сдающего (сидящего на прикупе и не участвующего в игре) играть с ним мизер пополам,

при условии, что последний не видел карт других игроков. В этом случае он передает прикупщику свои карты и говорит: «Приглашаю». Прикупщик же должен лаконично согласиться или отказаться.

– Так все церемонно, «Приглашаю», – повторила, удивляясь, Вика.

– В преферансе не принято разговаривать за игорным столом. Реплики произносятся по необходимости. Никакого шума. Все чинно, благородно, – он улыбнулся. – Только Ремизов бучу поднял. Может, с возрастом поумнеет? Люди ведь меняются иногда, в зависимости от обстоятельств.

– Вряд ли. Вполне естественно, что с возрастом резко обостряются черты человеческого лица, а вместе с этим процессом также обостряются и черты человеческой души, и его характера. Человек, добрый от природы, становится к старости еще добрее и мягче, злой от природы – еще злее, завистливый станет завидовать еще больше. Все заложенное в людях от рождения с генами к старости проявляется еще сильнее. Ведь что происходит с людьми в процессе жизни? Любому человеку свойственно стремиться произвести на окружающих его людей хорошее впечатление. Ведь так? – Она посмотрела пытливо на Готовского. – Кто-то строит карьеру, кто-то пытается соблазнить или увлечь понравившуюся ему женщину или хочет добиться успеха – не важно в чем, и для этого он подстраивается, скрывает от всех свои неблагоприятные черты, постоянно притворяется. В старости же эта необ-

ходимость исчезает, и вся привнесенная шелуха облетает за ненужностью, оставляя только то, что заложено в нем было первоначально. Поэтому в человеческой жизни наблюдается не так уж много метаморфоз, и рассчитывать на них совсем не стоит. Злой от рождения не станет добрым, добрый не станет злым, честный не станет лгуном, а лгун не перестанет обманывать. Человек редко меняется, а если и меняется, то только для того, чтобы что-то получить или чего-то добиться, а потом опять становится прежним, таким, каким был всегда. Хотя Лев Толстой считал по-другому. Он говорил: «Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека. И от этого нельзя судить человека. Какого? Ты осудил, а он уже другой. Нельзя и сказать: не люблю. Ты сказал, а оно другое».

– И Толстой говорит о том же. Человек склонен к переменам в зависимости от жизненных обстоятельств и окружения. Другой вопрос, что эти изменения не могут стать окончательными. Что же получается? Ты хочешь сказать этим, что воспитывать не имеет смысла, раз все зависит только от генов, и все свои «косяки», допущенные в процессе воспитания, можно со всей безответственностью повесить на них? – уточнил, улыбаясь, Вадим.

– Ну почему же! Воспитывать, безусловно, нужно. Выра-

батывать рефлексы, как условные, так и безусловные у детей тоже необходимо, – рассмеялась Виктория, заметив, что Вадим снова посмотрел на свои часы.

– Ну что, дорогая, давай заканчивать диспут? Нужно немного отдохнуть. Я пока сделаю пару звонков, а ты начинай одеваться.

– Вадим, а ты мне ничего еще не сказал про взятки в преферансе. Это что такое?

– Вика, ты одевайся, время идет. Потом расскажу.

– А ты пока говори, я буду тебя слушать и одеваться.

– Нет, преферансу на ходу не учатся. Хочешь, садись и слушай.

– Очень хочу, мне интересно. – Она живо уселась рядом и уставилась на него своими огромными глазами, в которых светилось ничем неприкрытое обожание.

– Так вот! – начал Вадим закуривая. – Взятка лежит в основе игры в преферанс. Она представляет собой совокупность карт, выложенных на стол каждым из партнеров за один круг игры. Правила игры определяют, кому принадлежит взятка и как ведется учет всех набранных взяток. Первая карта, выложенная на стол с целью образовать взятку, называется ходом. Ход различают по масти первой карты, например, ход в пику или ход по трефам. На ход в масть каждый игрок обязан класть карту той же масти. Если карт той же масти нет, игрок обязан бить козырем. И если только у него нет ни масти хода, ни козырей, он может положить любую кар-

ту. – Вадим смотрел на широко открытые внимательные девичьи глаза, в которых была нежность, заставившая его сердце биться сильнее. Он продолжил, улыбнувшись. – Игроки в установленной очередности кладут на стол по карте, и старшая карта масти хода, или козырь (а при наличии нескольких козырей – старший из них), берет все карты, то есть взятку. Во всех видах преферанса задача участников сводится к тому, чтобы брать взятки или не брать их совсем. – Так, солнце мое, начинай одеваться. Время. – Он выразительно постучал пальцем по часам.

– Хорошо, поняла. Я постараюсь все сделать быстро. Не хмурься! Тебе это совсем не идет! – она нежно обняла его за шею и поцеловала.

«Господи, какая же она ласковая,» – подумал он, и сердце его вновь дрогнуло и забилось сильнее.

Виктория ушла в душ, потом занялась макияжем и только после этого начала одеваться. Она еще стояла перед зеркалом в одних трусиках, когда вошел Вадим.

– Ой! Вадим! – От неожиданности она широко раскрыла глаза и прикрыла обнаженную грудь руками.

– Вика! Ты что, стесняешься меня? Скажи, чего я еще не видел? – Он подошел к ней и обнял ее, целуя в губы. – И перестань смущаться, – ласково пробормотал он, встретившись в зеркале своим взглядом с взглядом ее широко распахнутых глаз, и добавил: – Ты очень красивая! К тому же ты теперь только моя. – Вадим поднял вверх ее волосы и

уткнулся носом ей в шею.

– Твоя, – повторила, как эхо, Виктория, счастливо улыбаясь и прижимаясь к нему спиной.

– Не отвлекайся! – прошептал он, отстраняясь от нее.

Он протянул ей футляр, который раскрыл перед ней. В нем находились серьги, кольцо и подвеска. Бриллианты в них были высокой чистоты и сверкали, переливаясь в электрическом свете сине-красно-зелеными лучами.

– Вадим, я это не надену, – решительно произнесла девушка, обматываясь полотенцем. – Я не люблю пользоваться чужими вещами. Ну просто для меня это неприемлемо. Извини! – Она виновато посмотрела на него. – Не могу!

– Вика! Эти украшения не принадлежат моей жене. Я купил их недавно. Купил для того, чтобы вложить деньги. Надевай!

– А если я их потеряю, что тогда? – спросила она осторожно, вопросительно глядя на него.

– Да и бог с ними. Давай помогу. – Он помог застегнуть цепочку на ее шее и поправил подвеску. Взяв серьги, Вика вдела их в свои аккуратные ушки и посмотрела с любопытством на себя в зеркало. Зазвонил телефон, и Вадим вышел.

Он стоял спиной к двери, потом обернулся, повинувшись какому-то внутреннему призыву. Виктория стояла на пороге комнаты, держа в руках меховую накидку, сверкая бриллиантами и безупречной кожей обнаженного декольте, переливаясь шелком вечернего платья. Готовский смотрел на нее

восхищенно и молчал, только спустя минуту обрел дар речи:

– Господи! Какая красота!

– Ты о бриллиантах? – спросила она, поочередно трогая руками серьги и подвеску.

– Что? При чем здесь бриллианты? – тряхнув головой, спросил он. – Я о тебе говорю. Ты безумно красивая.

– Слава Богу, тебе понравилось, – облегченно выдохнув, улыбнулась Виктория.

– Ну что, поехали? Такси уже ждет. – Он обнял ее за талию, и они вышли из дома.

Ресторан находился через дорогу от городской площади, где расположились городская и районная администрации, то есть в самом центре города. Интерьер ресторана, подтверждая свое название, был выполнен в морском стиле с использованием специальной корабельной атрибутики. Уютный небольшой зал. Хорошая кухня. Живая музыка, при которой можно разговаривать и слышать друг друга.

– Тебе нравится здесь? – спросил Вадим девушку.

– Мне больше нравится то, что со мной рядом ты. Остальное уже имеет гораздо меньшее значение, – улыбнулась она ему.

Они танцевали, разговаривали. Обоим тяготило то, что невозможно было вести себя так, как им бы того хотелось. А хотелось обнимать и целовать друг друга. Промучившись два с лишним часа, Виктория попросила:

– Может, поедем домой? – сказала она и заметила, с какой

радостью он поспешил согласиться с ней.

– Конечно! – он подозвал официанта и, оплатив счет, оставил щедрые чаевые. – Пойдем, – Вадим протянул Вике руку и повел ее к выходу, замечая, как их провожали взглядами.

– Все мужики мне завидуют, – сказал он, довольно ухмыляясь при этом.

– Да это мне все представительницы женского пола завидуют, думая про себя: «Какого красавца оторвала», – заявила Вика, и они дружно расхохотались.

– Вадим! Мы столько времени с тобой потеряли с этим рестораном! А почему ты сегодня почти совсем ничего не пил? – удивилась она.

– Сегодня у нас с тобой еще дела! Не хочу портить вечер, – улыбаясь сказал он.

– Какие дела? – заглядывая ему в лицо, спросила Вика.

– Те, которые у нас лучше всего получаются, – целуя ее в губы и счастливо улыбаясь, сообщил он.

– Мы с тобой даже знакомых никого не встретили в ресторане, надо же, – удивилась Виктория.

– Добрый вечер, Виктория Николаевна. А мы с женой все смотрели на вас в ресторане, но вы так и не обернулись к нам, – раздалось у нее прямо над ухом.

– Здравствуйте! Я вас не заметила, извините, – растерянно проговорила Вика. Знакомая ей пара внимательно разглядывали спутника Виктории. Вадим поздоровался с ними. Подъехала заказанная машина, которую они ждали, стоя на

крыльце.

– Виктория Николаевна, вы на такси? А за нами должен родственник заехать, – сообщили они.

– До свидания! – попрощалась с ними Виктория, садясь в машину вместе со своим спутником.

– Ну вот, а ты переживала, что никого не встретила, – пошутил Вадим. – Кто они? Твои знакомые?

– Семейная чета Красковых. Он работает анестезиологом, а она операционная сестра в нашем отделении, – без энтузиазма сообщила Виктория, прижавшись к его плечу.

– Ты что, расстроилась? Не думай о них, – он погладил ее по руке и поднес ее к губам.

– Ты ее просто не знаешь, – тихо сказала она.

– Не бойся никого. Я с тобой.

Они вошли в дом и обнялись.

– Я соскучился по тебе, – признался Готовский, нежно целуя девушку.

Его руки скользили по ее телу, которое моментально откликалось на его откровенные ласки. Они начали раздеваться еще в холле, активно помогая друг другу. Не прерывая поцелуев, они переместились в спальню и благополучно добрались до кровати.

– Вадим, милый! – задыхаясь, проговорила она. – Я так хочу тебя. Я весь вечер в ресторане только об этом думала, – шептала она, продолжая обнимать его и отвечать на его поцелуи. – Хороший мой! – у нее больше не было сил говорить.

Она видела его бездонные потемневшие глаза, и его губы снова крепко прижались к ее губам, заставляя ее забыть обо всем на свете. Она внезапно почувствовала его внутри себя.

– Вадим, милый, пожалуйста, не останавливайся!

Ничего больше не существовало вокруг них, они снова были одни во всей вселенной. Наконец, настал тот вожделенный миг, к которому они оба так стремились, и комната огласилась их громкими стонами. Они продолжали сжимать друг друга в объятиях. По их уставшим телам растекалось сказочное блаженство, а души их сейчас наполнял покой и умиротворение.

– Вадим! Ты великолепный мужчина. – Она ласково гладила его плечи и твердые мускулы на его груди. – Хотя я тебе это уже говорила, – пересохшими губами прошептала Вика и поцеловала его грудь, а потом шею.

– Мне это очень приятно. Приятно «улетать» вместе с тобой. Я старался, чтобы у нас все получилось, хотя раньше ничего подобного никогда не делал по причине элементарного мужского эгоизма, – улыбаясь, сообщил он Вике, ласково поглаживая ее по спине.

– Значит, у тебя были на это свои причины. – Нежась под его ласковыми прикосновениями, тихо произнесла Виктория.

– Наверное! И все же ты удивительная женщина, под любые мои слова и поступки ты всегда стараешься подвести подходящую мотивацию, – удивленно промолвил Вадим, по-

глаживая ее, – я такую, как ты, встречаю впервые.

– Просто я тебя не только чувствую, я тебя понимаю, и ты мне очень нравишься.

– Я так хочу узнать тебя получше.

– Вадим Юрьевич! Вас мои анкетные данные интересуют?

– Интересуют, еще как интересуют, – он обнял ее и прижал к своей груди.

– Ты уже и так обо мне почти все знаешь.

– Почти! Я даже могу представить себе ваш дом в Краснодаре на улице Северной. Я правильно запомнил? – с улыбкой произнес он.

– Правильно, – согласилась она.

– Ну, про твоего старшего брата я тоже все помню. – Он сложил руки над головой. – Ты о нем много говорила. Такое ощущение, что он главный человек в твоей жизни.

– Не совсем. Но его очень любят родители и очень гордятся им.

– Правда? Что же он такого замечательного сделал? Открыл новое лекарство? Совершил подвиг? Кого-то спас? – скептически улыбнулся Готовский.

– Ну, нет! – засмеялась Вика. – Но он довольно удачно женился, – похвалила она брата.

– М-м. На это много ума надо! – пошутил Готовский. – А красавицей дочкой они не гордятся? Ты вон медицинскую академию имени И. М. Сеченова в Москве окончила. И факультет выбрала не хилый – «Лечебное дело». И ординату-

ру прошла там же, по специальности «общая хирургия». Да, кстати, а как ты в Сургут попала?

– Это все Лиза. Мы с ней в Москве еще подружились. Я тогда подрабатывала на станции скорой помощи и приехала к ним в общежитие на вызов. Девчонке одной плохо было. Познакомились. Подружились. Потом она вышла замуж за своего Диму и уехала за ним сюда, в Сургут. Он окончил в Москве институт нефти и газа имени Губкина, и его взяли на работу в «Сургутнефтегаз». Сейчас он заместитель начальника цеха добычи в НГДУ на Федоровке. Вот Лиза меня и уговорила приехать сюда: сначала к ним в гости, а потом и на работу. Я согласилась и приехала. Мне очень понравился сам город. Я в него влюбилась. Чистый, зеленый, красивый, ухоженный. Нравится то, что нет темных улиц и дворов, везде свет. Дороги здесь – мечта для всех автомобилистов. Обь нравится, тайга нравится. Мороз зимой тоже нравится. А еще здесь люди другие. Попадая в этот город, все стараются быть лучше, во всяком случае, мне так кажется. Наверное, в Сургуте аура такая. А еще я влюбилась в белые ночи. Но самое главное теперь это то, что в этом городе живешь ты. И вот без всех этих перечисленных чудес жизнь в другом месте для меня стала невозможной. Приехала сюда после московской клиники и устроилась на работу, сначала некоторое время жила у Ларионовых, а потом ушла в общежитие.

– У них большая квартира? – поинтересовался Готовский.

– Тогда они снимали двухкомнатную квартиру, а теперь купили трехкомнатную по ипотечному кредитованию. А что?

– Так, ничего!

– Готовский! Вот о чем ты подумал, а? – возмутилась девушка, опрокидывая его на спину.

– Да ни о чем таком я не подумал! – смеясь, ответил он, шутя отбиваясь от девушки. – Я же понимаю, подруга жены это святое.

– Да-да, особенно для тебя! – укоризненно произнесла Вика.

– Ты на что намекаешь? – он шутливо накинута на нее, схватил ее и крепко сжал в объятиях, целуя ее нежно и бережно.

– Вадим, ты меня задушишь, – пыталась, беззаботно смеясь, освободиться от его сильных объятий Виктория.

– Задушу! И больше никому не достанешься, – согласился со смехом Вадим. – Слушай, время уже два часа ночи, а завтра в шесть утра подъем. Быстро спать.

Они улеглись спать счастливые, тесно прижавшись друг к другу. Сон сморил их быстро. Но даже во сне они не размыкали своих нежных объятий.

Глава 2

Утро понедельника выдалось ясным и солнечным, как и накануне. Стоило Вадиму пошевелиться, взяв сотовый теле-

фон в руки, чтобы отключить будильник, как Виктория тоже проснулась. Она открыла глаза и, улыбаясь ему, сказала:

– Доброе утро, Вадик!

– Доброе!

– Как хорошо засыпать и просыпаться рядом с тобой, – уточнила она, соблазнительно поворачиваясь и потягиваясь с мягкой кошачьей грацией.

– Ты просыпаешься с улыбкой, это уже замечательно, – сказал Вадим, целуя ее. – Сегодня первый раз после совместно проведенных выходных мы расстанемся с тобой на целый день. Как мы это переживем? – он засмеялся, поднимаясь с постели.

– Не представляю, – огорченно протянула Виктория, поднимаясь с кровати вслед за ним.

– Ты куда так рано! Спи еще, я позвоню, когда водителя за тобой отправлю. Успеешь одеться. Он будет тебя ждать сколько нужно. Мне он сегодня до десяти часов не нужен.

– Можно с тобой? – спросила она, касаясь ладонями его плеч.

– Со мной? – Его зрачки расширились. – Я буду только рад, пойдем, – он протянул ей руку.

Они стояли, нежась под теплыми струями льющей воды, ласкающей их тела, сбрасывая с себя остатки ночного сна. Их руки обнимали и жадно ласкали друг друга. Виктория почувствовала знакомую тяжесть внизу живота, и желание близости пронзило ее, как молния, постепенно запол-

няя все ее существо. Потемневшие глаза Вадима смотрели на нее с нежностью. Она физически продолжала ощущать эту нежность, которая проникала в нее с его прикосновениями и окутывала ее плотным коконом, а от его резкого и жесткого ритма у нее внутри все дрожало и сжималось в сладких судорогах. Утренняя близость была короткой и стремительной, но наслаждение от нее было нисколько не меньше.

– Извини, ты не получила оргазма, – сказал он, виновато глядя на нее и нежно целуя.

– Это не главное. Я получила огромное наслаждение от близости с тобой. Ты должен знать, что ты всегда желанный мне и мне с тобой всегда безумно хорошо.

– У нас еще будет время все исправить. – Он поцеловал ее в висок, прижимая ее к себе и вдыхая аромат ее волос.

Он наспех завтракал, пил свежесваренный кофе, пока Вика гладила ему рубашку. Быстро одевшись, он вышел из дома, успев на прощание поцеловаться с ней.

Вадим позвонил, как и обещал:

– Вика! Я отправил за тобой водителя, он отвезет тебя на работу.

– Вадим, пусть он лучше довезет меня до платной стоянки, где я смогу забрать свою машину. Ну чего тебя дергать лишний раз. Ты будешь нервничать, а так я сама буду добираться до работы.

– Ну хорошо! Давай поговорим об этом потом, – произнес он не очень довольным голосом.

– Пока, милый! Я тебя целую.

– Я тоже! – он усмехнулся, подумав про себя, что и он, наконец, дожил до «сюси-пуси». Но почему-то это не только не огорчило его, а скорее даже обрадовало. Вадим стал замечать за собой, что у него как плотину сдержанности прорвало. Он стал заново учиться говорить ласковые слова и не стеснялся проявления нежности к этой девушке, более того, ему это становилось приятно самому.

Вика позвонила ему после обеда, как раз в то время, когда он сидел на совещании:

– Вадим, извини, я была на операции и не могла ответить тебе, потому что освободилась только сейчас. – Она услышала голоса и спросила его: – Ты не можешь говорить? Тогда пока, целую тебя! – шепотом сказала она.

– Пока! Я тоже целую, – так же шепотом ответил ей Готовский и улыбнулся.

Рядом с ним сидел заместитель управляющего по общим вопросам и, услышав Готовского, спросил:

– Ты вроде жену проводил в отпуск?

– А тебе что за печаль? – вопросом на вопрос ответил Готовский.

– Да я так, просто! Подумал, жена уехала, а ты с кем-то там шуры-муры разводишь, – миролюбиво произнес коллега. – Не иначе подружку завел?

– А может, я один спать боюсь? – нагло ответил ему Готовский, пресекая все дальнейшие расспросы.

День для обоих тянулся бесконечно долго, и не было сил дождаться его окончания. Он простился с ней утром и грезил о ней весь день. Наконец со срочными делами было покончено, и он помчался домой. Никогда еще с таким нетерпением он не рвался домой, как сегодня, потому что знал, что его там ждут. Ему сегодня утром сказали, что он желанный всегда, и он поверил в это. Открыв дверь своим ключом, он крикнул с порога в глубину дома:

– Вика! Я дома.

Ответом ему была тишина.

Он удивился, потому что ее рабочий день закончился еще два часа назад. Вадим достал из кармана телефон и набрал ее номер:

– Вика, возьми трубку, – проговорил он нетерпеливо.

Он пока еще не начал беспокоиться. Зная немного Вику, он мог предположить, что телефон наверняка лежит у нее в сумке, сумка где-то еще, и она его вполне может не слышать. Ему ответили не сразу:

– Вика, ты почему не дома? – услышав шум улицы и чужие мужские голоса, он спросил: – Ты вообще где сейчас? Что-то случилось?

– Гаишники только приехали. Больше часа их ждали. Вадим, я «Лексусу» задний бампер разбила. Случайно, – расстроено поведала ему Виктория.

– Круто! Ничего еще не подписывала? – забеспокоился он. – Не подписывай ничего, дождись меня, я сейчас приеду,

скажи мне только, где ты? – спросил Готовский.

– Да здесь, недалеко, напротив здания «Газпрома».

Он дозвонился до своего водителя, которого отпустил несколько минут назад ставить машину в гараж, и сказал ему, чтобы тот срочно вернулся. Готовский сунул в карман пластиковую карту на случай, если понадобятся деньги, и вышел из дома. Водитель, несмотря на пробки, вернулся довольно быстро. Готовский сел в машину.

– Куда едем, Вадим Юрьевич?

– Поехали к «Газпрому», там где-то рядом с ним ДТП, увидим, – ответил Вадим и замолчал.

Мысли его были о Вике. Он переживал за нее, так как по ее голосу понял, что она была явно напугана и расстроена. До здания «Газпрома» они доехали быстро. Он увидел сначала машину ГИБДД и потом рядом с ней автомобили участников ДТП. Готовский вышел из своей служебной машины и направился быстрым шагом к месту происшествия. Он подошел к Вике и, обняв за плечи, поцеловал ее в висок.

– У тебя каско есть? – сразу спросил он.

– Нет! – расстроено ответила она. – Автокредит я выплатила два месяца назад, и на этот год не стала страховать, потому что дорого. – Она виновато посмотрела на него.

– Понятно!

– Вадим, да я машину три года страховала, и ничего не было.

– Вика, успокойся!

– Черт! Надо же было такому случиться. Закон подлости сработал. Все как всегда.

– Да перестань. Все обойдется. Все сделаем. Не расстраивайся!

К ним подошел тяжелой походкой невысокий и грузный водитель «Лексуса» и простуженным, хриплым голосом произнес:

– Ну что, красавица, может, лучше отдашь деньги за новый бампер, да и разъедемся, чем со страховкой связываться, тем более у тебя нет каско, а с ОСАГО мы еще набегаемся. Цену на бампер посмотрим сейчас по интернету и скажем тебе.

– Я уже сама посмотрела. ОСАГО как раз его покроет, – ответила Вика, оглядываясь на Готовского.

– Парень, не грузи девушку. Сейчас представитель ГИБДД писать закончит, заберешь протокол, и все разъедемся. Ей еще свою машину восстанавливать за свой счет.

– А ты чего влезаешь в наши дела с ней, по какому праву?

– Она моя жена.

– Ездить бы лучше свою жену научил.

– Извини, мое упущение. Научу. Обязательно научу.

Закончив писать, к ним подошел представитель ГИБДД с оформленными протоколами в руках и обратился к Вике:

– Сотникова Виктория Николаевна, читайте и расписывайтесь везде, где галочки стоят. Это ваш экземпляр. А это пострадавшему для страховой компании. – Представитель

ГИБДД раздал бумаги участникам ДТП, и все стали разъезжаться, освобождая проезжую часть дороги.

Виктория протянула Вадиму ключи от машины, но он их не взял:

– У меня нет с собой водительского удостоверения, садись за руль сама и поехали. – Он сел рядом с ней на пассажирское сиденье и, пристегивая ремень безопасности, произнес назидательным тоном: – А скажите мне, девушка! Что же это вы так небрежно относитесь к обязанностям водителя? – Он строго взглянул на Вику. – И о чем вы только думаете, находясь за рулем автомобиля? – угрожающе протянул Готовский.

– Я о тебе думала, я так торопилась домой! – расстроено прошептала Виктория.

– Обо мне? Ну это в корне меняет все дело, – добавил он миролюбиво и расхохотался. – Ну перестань, чего теперь убиваться по этому поводу. Слава богу, что сама не пострадала, да и никто не пострадал. Поехали! Пока едем прямо по проспекту. – Он набрал номер телефона своего знакомого:

– Михалыч! Ты на месте? Я к тебе подъеду сейчас, посмотришь машину? Да, я ее тебе оставляю.

– Что-нибудь серьезное? Марка машины какая?

– Марка машины «Пежо», а ремонт так, по мелочам. Передний бампер, фара одна, крышка капота немного. Лучше под замену. Приеду, посмотришь.

– Жду, Вадим Юрьевич. Только, как всегда, пятьдесят

процентов оплаты сразу, остальное потом.

– Разумеется. Без вопросов.

– Вика, на следующем светофоре поверни направо, проедем до первого автосалона, по-моему, Ford, а потом сразу за ним перед заправкой еще раз направо. Машину придется оставить. Михалыч постарается все сделать быстро. А на работу будешь ездить... – он не успел договорить, Вика продолжила:

– На двадцать четвертом автобусе, он останавливается прямо у нашего травмцентра.

– Продолжаю: либо с моим водителем, либо на такси.

– Хорошо, тогда на такси.

– Договорились, – он с недоверием посмотрел на нее. – Да?

Вика кивнула в знак согласия головой.

– Вадим, а кто такой Михалыч?

– Директор СТО, нормальный, честный мужик. Вот здесь, поверни направо. А вот и сам Михалыч, нас с тобой встречает.

Они подъехали к зданию СТО. Мужчины поздоровались и пожали друг другу руки.

– Здравствуйте, – поздоровался с Викторией Михалыч. – Что-то вы на другой машине уже, та разонравилась или продали?

– Продали, продали, – подхватил Готовский. – Ты давай смотри машину и говори, сколько денег оставить.

– Супруг у вас серьезный, занятой, всегда меня торопит, –

пожаловался Вике Михалыч. – Вадим Юрьевич, давай загоняй машину в бокс, сейчас смотреть будем. – Он обошел вокруг машины.

Готовский сел за руль и загнал машину в бокс. К нему подошел Михалыч:

– Ну что, оставляй тридцать тысяч, а там посмотрим. Если что будет нужно, то позвоню. Постараемся сделать быстро.

Готовский снял в банкомате деньги и занес их Михалычу. Затем он вызвал такси и подошел к Виктории. Она все еще расстраивалась по поводу машины и загубленного вечера, а в большей степени из-за того, что Готовский сам оплачивал ремонт машины.

– Вадим, спасибо тебе за помощь. Я через неделю тебе верну деньги за ремонт машины.

– Пожалуйста. Остального я не слышал и слышать не хочу, – сказал он тоном, не терпящим возражения. – У тебя не совсем верная практическая философия. Не находишь?

– Это не философия, а просто житейская мудрость. Космический закон гласит: «Никто ничего никому не должен».

– Начиталась эзотерической литературы? – хмуро произнес Вадим. – В этой твоей эзотерике, по-моему, правды половина. Сейчас можно договориться до того, что и мы с тобой друг другу ничего не должны. А как же верность? А как же то, что родители должны заботиться о потомстве? А дети не должны бросать стариков. Мы должны заботиться о дорогих нашему сердцу людях! Так должно быть всегда! Иначе

мир рухнет.

– Но ведь невозможно заставить человека любить кого-то насильно, как невозможно заставить быть верным кому-то. Можно только попросить этого человека: «Приди ко мне, люби меня и побудь со мной как можно дольше». – Она расстроено вздохнула при этом.

– Что я слышу?! Это вам, женщинам, рассуждения Пауло Коэльо покоя не дают! – смеясь, промолвил он. – А я по наивности своей полагал, что и Коэльо и Стас Михайлов – это для одиноких, стареющих женщин!

– Ты снова смеешься надо мной? – она изумленно распахнула глаза.

– Конечно, нет! – улыбаясь, пытался оправдаться перед ней Готовский.

– Не думай, я с тобой во многом согласна! Отношения родители – дети и наоборот, забота друг о друге – это святое.

– Ты сама себе противоречишь. Пойдем, машина подъехала. – Он обнял ее за талию и повел за собой. – Только попробуй быть неверной со мной. Я это сразу почувствую, – сказал он ей ледяным голосом.

– Господи, мне это даже в голову не приходило, – с отчаянием в голосе произнесла Виктория.

– Вот и хорошо, – уже спокойно ответил он.

Они приехали домой, чувствуя себя уставшими. Весь вечер они занимались тем, что разруливали само ДТП, а потом пытались ликвидировать его последствия. Вадим выглядел

слегка уставшим. Вика обняла его, прижимаясь щекой к его щеке:

– Вадим, если хочешь, иди в ванную, а пока ты будешь мыться и бриться, я быстро приготовлю ужин.

– Может, перекусим чего-нибудь на скорую руку? Не думай, я уже так привык, – предложил он.

– Не беспокойся, я все успею. Рыба под сыром и картошка тебя устроит? – улыбнувшись, спросила она.

– Да это просто царский ужин! Конечно, устроит.

Семга под сыром, щедро приправленная прованскими травами, была приготовлена в микроволновке за пятнадцать минут и лежала на блюде, источая дивный аромат. Картошка, порезанная дольками, дошла в микроволновой печи еще быстрее. К тому времени, когда Вадим вошел в кухню, стол был уже накрыт. Осталось порезать хлеб и посыпать картошку зеленью.

– Ничего себе! Вкуснотища! И очень красиво, как в ресторане, – похвалил он Вику.

– Я старалась, чтобы тебе понравилось, а хвалить будешь, когда попробуешь.

– Я чувствую по аромату. М-м, – он зажмурил от удовольствия глаза. – Попробовал, очень вкусно. Ты просто молодец! Кто тебя учил кулинарному мастерству? – поинтересовался Вадим, увлеченно работая ножом и вилкой.

– Все понемногу: мама, бабушки, подруги и, само собой, книги по кулинарии. Обычное дело. Готовить умеют все без

исключения. У нас в семье был культ мужчины. Правило «мужчина всегда должен быть вкусно накормлен» выполнялось неукоснительно. Сейчас модно всем сидеть на диетах. А я думаю, что в доме должно пахнуть вкусной едой и обязательно пирогами, тогда муж и дети будут приходить в дом с удовольствием.

– Жаль, что готовят сейчас не все, а самое большое сожаление состоит в том, что сейчас так почти никто не думает. Ты и пироги, может быть, печь умеешь?

– Умею. Ты любишь пирожки? – она улыбнулась.

– Очень. Люблю домашние пирожки и жареные, и печеные. Моя мама всегда печет пироги, когда я приезжаю.

– Хорошо, я тебе сделаю завтра пирожки. Это недолго.

– Я люблю начинку люблю, – он заулыбался, складывая на тарелку приборы. – Так, подведем итоги сегодняшнего вечера. Ужин великолепный. С машинами разобрались. Главное, свою машину в ремонт сдали. Считаю, вечер удался. Время десять вечера, а мы столько дел с тобой прокрутили. Уметь надо. – Они дружно рассмеялись.

Оба находились пока в том возрасте, когда еще не нужны особые поводы для веселья.

Они отправились в душ, теперь уже вместе, а затем переместились в спальню. Разлука длиною в день показалась обоим бесконечно долгой. Принятый душ и пережитый обоими стресс от ДТП только обострил их чувственность. Они смотрели друг на друга глаза в глаза и оба с замираньем сердца

отдавались во власть непреодолимого желания. Огонь этого желания заставлял их сердца биться в унисон, сбивал с привычного ритма дыхание и с ураганной силой разносил по жилам кровь. Его ласки были просто восхитительны, и ее тело с готовностью откликалось на все их проявления. Она испытывала блаженство, чувствуя на своем теле тепло его рук, а от прикосновения его губ ее кожа начинала гореть. И как в первый раз она снова таяла от нежности к нему, наслаждаясь полнотою близости с ним. Он тоже ощущал ее каждым своим нервом, каждой клеткой своей кожи. Вадим испытывал огромное удовольствие, каждый раз «улетая» с женщиной, которая ему была до одури желанна. Опустошительный мощный оргазм явился ярким завершением столь желанной близости. Вадим долго не выходил из нее, заключив ее в свои крепкие объятия, желая продлить этот миг как можно дольше и бормоча ей тихо на ухо что-то трогательное и нежное.

– Боже, мне кажется, что я всякий раз распадаюсь на сотни, нет, скорее на тысячи осколков. Не представляешь, какое огромное блаженство я испытываю от близости с тобой, – задыхаясь, прошептала ему Виктория, поглаживая его широкие плечи.

Ей приятно было касаться его, гладить, обнимать, испытывая при этом огромное удовольствие.

– А я-то как счастлив от того, что могу доставить тебе такое блаженство и от этого испытать еще большее удовольствие самому.

– Ты умеешь быть очень нежным, – тихим голосом проговорила она.

– Ты тоже очень ласковая, и мне это безумно, безумно нравится, – так же тихо произносит он.

Взаимные ласки и обоюдные признания в своих чувствах сближали их, делая их отношения более доверительными и трепетными. Кроме стойкого сексуального влечения друг к другу между ними возникла еще и такая душевная привязанность, когда хотелось постоянно быть вместе. Им никогда не было скучно в обществе друг друга. У них было много общего, и поэтому они отлично понимали друг друга. Это про такие отношения, как у них, когда-то давно сказал Поль Жеральди: «Нужно иметь что-то общее, чтобы понимать друг друга, и чем-то отличаться, чтобы любить друг друга». Проговорив почти полночи, они уснули, чтобы проснуться вместе с новым днем, и вновь расстаться утром, чтобы опять грезить друг о друге целый день, мучительно ожидая момента долгожданной встречи. Они старались созваниваться в течение дня по несколько раз. Оба пребывали в состоянии легкой эйфории, когда мысли обоих постоянно крутились вокруг объекта вожделения и все помыслы были направлены лишь на то, чтобы удовлетворить свое неистребимое желание поскорее увидеть и обнять его. И если Вика не скрывала своих чувств по отношению к Вадиму и открыто говорила о них, то Готовский, чувствуя все то же самое, что и она, и испытывая не менее яркие эмоции, чем она, внешне все же

старался проявлять большую сдержанность. Но то приподнятое настроение, с каким он приходил теперь на работу, его желание улыбаться и шутить со своими коллегами скрыть от посторонних глаз было невозможно. Благодаря женской наблюдательности это все тут же было подмечено и оценено по достоинству прекрасной половиной коллектива главного управления «Северавтодора». Сотрудники экономического отдела, куда заходил главный инженер сегодня, моментально заметили в нем эту перемену:

– Девчонки, заметили, что Готовский последнее время очень изменился? – спросила своих коллег самая молодая сотрудница отдела Марина. – Раньше все время всех распекал, был очень серьезным, я бы даже сказала, сердитым, а теперь стал таким понимающим и постоянно пребывает в хорошем расположении духа. Он даже стал улыбаться чаще! С чего бы это, а?

– Перестаньте ерунду молоть. Вам лишь бы кости мыть начальству, – вступилась за него Надежда Сергеевна. – Он хоть и молодой, но, как и все, уставал очень. Сезон-то у нас какой тяжелый был в этом году! А теперь – лето, и работы меньше, и план мы выполнили, теперь не только ему, а и всем можно расслабиться и перевести дух, – заметила Ершова.

– Ой, Надежда Сергеевна! Вы с высоты своего возраста так рассуждаете, – не унималась Марина, – а ларчик-то просто открывается! Он жену с детьми в отпуск проводил, вот и радуется теперь! Лично я считаю, что он завел себе любов-

ницу, вот поэтому теперь ходит всем довольный и улыбается, как известный Чеширский Кот.

– Да, Надежда Сергеевна! Кажется, Маринка права. Таким сытым и довольным мы нашего главного инженера давно не видели. Точно, у Готовского снова кто-то появился. Так его жене и надо. Спаси у нее хоть отбавляй, – добавила Оксана Харисова.

– Девочки, вы справку об экономических показателях подготовили для управляющего? – строго спросила их заместитель управляющего по экономике. – А то я смотрю, вам личная жизнь Готовского не только покоя не дает, но еще и работать мешает.

– Конечно, Людмила Аркадьевна! Наши некоторые сотрудники сами не прочь были завести с ним роман, а тут получается, что кто-то левый увел у них такого красивого мужика.

– Да больно надо, – возразила Марина. – Во-первых, он для меня старый, а во-вторых, если бы я захотела, то все бы было. – Она обиженно надула свои и без того пухлые губки.

Все самые невероятные и фантастические предположения сотрудниц, обсуждающих подробности личной жизни Готовского, были прекращены звонком управляющего своему заместителю. Людмила Аркадьевна объявила всем сотрудникам о том, что запланированная работа должна быть выполнена немедленно, и каждый вынужден был приняться за свое конкретное дело, оставив все нерабочие вопросы на потом.

Готовский даже представить себе не мог, что невольно стал объектом такого пристального внимания женской части своего коллектива. Он с нетерпением ждал конца рабочего дня, занимаясь своими повседневными делами. Выполняя свою работу не менее качественно, чем раньше, он перестал искать поводы для того, чтобы задержаться на работе самому и задерживать при этом других, спешащих после работы к своим семьям и неотложным делам. Из стопроцентного трудоголика он в силу личных обстоятельств превратился в обыкновенного заботливого руководителя, радеющего за своих подчиненных. Все эти метаморфозы с ним произошли благодаря стараниям Виктории. Ее рабочий день заканчивался раньше, поэтому до его прихода она успевала что-то сделать полезное для них обоих, а остальное время они проводили вместе, наслаждаясь обществом друг друга. Они прожили вместе уже десять дней. Он отдавал себе отчет в том, что совместное проживание с Викой ничем хорошим для них двоих закончиться не может. Вадим с каждым днем ощущал, что прикипает к ней сердцем и душой, а заодно и всеми своими потрохами все больше и больше. Старался, как мог, успокаивать себя тем, что им просто хорошо живется вместе, что он постоянно держит ситуацию под контролем и вполне способен в любой момент разорвать эти отношения. Он радовался тому, что они совершенно не раздражались друг на друга, считая такое комфортное существование естественным при отсутствии поводов для взаимных претен-

зий. Между ними сложились особые нежные и трепетные отношения, которыми оба очень дорожили. Виктория чувствовала малейшую смену его настроения, постоянно проявляя при этом трогательную заботу о нем. Она боялась обидеть его, не желая причинять ему ненужную боль. Он понимал это и очень ценил. И, конечно, остроту их чувствам постоянно добавляло ощущение скорой разлуки. Оба это не просто чувствовали, но и реально предвидели. Он не думал о разводе, боясь оставить двух сыновей, а она не хотела быть просто любовницей, потому что теперь хотела получить всю сказку, а не часть ее. Это были их мысли и чувства, а сегодня вечером они еле дождались конца рабочего дня. Вадим заехал за ней в травмцентр, благо ему было это по пути.

– Вика! Выходи, машина стоит на площадке перед центральным входом.

– Вадим, как хорошо, что ты уже приехал. Я все уже закончила. Бегу, – радостно сообщила Вика.

Он открыл ей заднюю дверь автомобиля и сел рядом с ней, создавая этим интимную обстановку.

– Привет! Я соскучился, – беря ее за руку, сказал он.

– Привет! Я тоже! – повторила она, слегка прижимаясь к нему.

– Как ты, милый? – шепотом спросила она. – Как прошел твой день?

– Думал, никогда не кончится, а как твой?

– У меня тоже был на удивление длинный день. У нас се-

годня был очень сложный пациент со стройки. Множество травм. Спасать его пришлось целой бригадой. Жить будет, правда, ему предстоит долгий путь восстановления и не менее длительный по времени процесс реабилитации.

– Что там случилось?

– Наверное, как всегда в таких случаях, не соблюдаются нормы и правила техники безопасности. Но это уже дело полиции. Мы свою часть работы выполнили.

– У вас постоянно какой-нибудь форс-мажор.

– Не только. Есть еще плановые операции. А знаешь, почему у нас бывает так называемый форс-мажор? Потому что у нас люди такие.

– А люди-то здесь при чем? – удивился Вадим.

– Как это при чем?

– О каких конкретно людях ты говоришь?

– Обо всех! Ведь понаблюдав, что вытворяет наше население, в голове подтверждаются известные статистические расчеты: сорок пять процентов всех полученных травм – последствия сосудистой энцефалопатии, потому что дебилами этих нарушителей называть невежливо в их понимании, – пояснила Виктория и продолжила перечислять остальные категории. – Следующие сорок пять процентов травм – последствия алкогольной энцефалопатии. Дальше у нас по списку идут шесть процентов – это злостные нарушители правил техники безопасности, и, наконец, четыре процента – нормальные люди и зачастую дети, пострадавшие по вине

первых трех категорий.

– Это что, анекдот такой? – ухмыляясь, поинтересовался Готовский.

– Почему анекдот? Это жизнь! Давай не будем больше говорить о медицине. Не хочу об этом даже думать. День был трудным, и сейчас хочу думать только о приятном, – она улыбнулась, прижимаясь лбом к его плечу.

Присутствие водителя сдерживало обоих от проявления нежных чувств, поэтому им хотелось поскорее добраться до дома, но стабильные пробки по улице Островского не дали возможности этому желанию исполниться так быстро, как обоим того хотелось. Только добравшись с трудом до пересечения улицы Островского с проспектом Ленина, они получили возможность ехать быстрее, так как к этому времени пробки в этом районе благополучно рассосались, и уже через пятнадцать минут они подъехали к дому.

– Наконец-то мы с тобой одни, – войдя в дом и обнимая его за шею, радостно произнесла Виктория.

– В следующий раз мы поедem по другому маршруту, а ты вся извелась, пока мы ехали, – рассмеялся он, целуя ее. – Как же я по тебе соскучился. – Он с нежностью смотрел на нее и от избытка чувств, которые переполняли его, потерял носом о ее носик.

– Нет, это я по тебе соскучилась, – заявила Виктория и еще крепче прижалась к нему.

Зазвонил сотовый телефон Вадима и он, посмотрев на вы-

светившийся на дисплее номер, нехотя ответил:

– Алло!

– Привет! Вадим, мы взяли с Максом билеты, через неделю будем дома.

– Привет! А Алексей что, остается в Белгороде?

– Он уже в Москве. У него занятия уже начались.

Он немного опоздал.

– Нормально! Досиделся до последнего. Почему вовремя на занятия не уехал?

– Надо было его тебе самому контролировать, а не пускать все на самотек!

– Послушай, ты находишься там, вместе с ними, а я должен контролировать его из Сургута?

– Тебе это трудно, как я погляжу?

– А меня кто-то вообще ставит в известность о своих планах? – вопросом на вопрос ответил Готовский, возмущаясь несправедливым обвинением.

– Карту еще мою пополни, не забудь!

– Если бы не карта, то и не позвонила бы, ведь так?

– Да и ты вряд ли скучаешь там. Догадываюсь, чем ты там занимаешься.

– Совсем не скучаю, – равнодушно сказал он и выключил телефон.

– Сколько у нас осталось времени? – спросила Виктория.

– До приезда жены осталась неделя, но для нас с тобой это ничего не меняет, – с трудом переключаясь после обще-

ния с женой на прежний романтический настрой, проговорил Вадим. – Я покупаю для нас с тобой квартиру недалеко от травмцентра. До работы тебе будет недалеко, да и мне не придется долго выбираться из центра города.

Виктория ничего не ответила на это. Она видела, как он переживал из-за разговора с супругой, и не хотела его еще больше расстраивать.

– Вика! Ты почему молчишь? Тебе эта идея не нравится? Я прав? – он заглянул в ее глаза. – Вика?!

– Не знаю. Поживем – увидим, – тихо ответила она.

– Понимаю. Такая идея тебе совсем не нравится, – расстроено заметил он.

– Вадим, я же не сказала «нет», – она отвернулась, избегая смотреть ему в глаза.

– Я только прошу тебя: подумай обо всем спокойно. И еще! Пожалуйста, не будь такой категоричной.

– Ты это о чем сейчас? – спокойно спросила Вика.

– Думаешь, я не понимаю, что роль любовницы не для тебя? Но я не могу тебе предложить другого варианта, во всяком случае, сейчас, – тихо ответил он. – Мир не состоит только из белого и черного цветов...

– Да уж, в нем полно других грязных оттенков...

– Вика! – он слегка повысил голос.

Она только сейчас вдруг остро поняла, как трудно будет ей с ним расставаться. Ей хотелось вцепиться в него и отчаянно закричать, что она согласна быть с ним в любом качестве,

лишь бы быть рядом с ним. Он тоже не хотел потерять ее, более того, его страшила даже мысль об этом. Они смотрели друг на друга и долго молчали, а потом вместе отправились в душ.

После душа, который их обоих не только не успокоил, а наоборот, только разжег желание близости, он овладел ею безо всяких прелюдий: жадно и напористо. Но Виктории это не было неприятно. Она чувствовала его страстное желание и сама не менее страстно желала его. Оба чувствовали, как их тела сливаются, и от этого все становится общим: дыхание, биение сердца, ритм движения. Оба испытывали фантастическое удовольствие от обладания друг другом. С каждым своим движением он ощущал, как она снова и снова пронзительно сжимается вокруг него. Мышечные спазмы подтолкнули ее к заключительному аккорду близости. Она, выкрикнув его имя, взрывается ярким оргазмом. Он с силой сжимает ее бедра и «улетает» вслед за ней, вновь ощутив неземное блаженство. Они лежали с закрытыми глазами, тяжело дыша и тесно прижимаясь друг к другу, боясь разомкнуть хоть на секунду свои объятия.

– Хорошая моя, ты даже не представляешь, какое наслаждение я испытываю от близости с тобой, – он нежно погладил ее по лицу, по волосам и коснулся ее губ своими губами.

– Я тоже всякий раз испытываю невыразимое блаженство с тобой, – она нежно гладила и целовала его лицо и плечи. – Должна тебе сказать, что я бессовестно счастлива в данный

момент, – она легла на спину и широко раскинула руки.

– Почему же бессовестно? – рассмеялся Вадим.

– Потому что ты чужой муж, – беспечно проговорила Вика. – Но совесть меня почему-то не мучает.

– Правильно делает. Не переживай. Я вот думаю, как я раньше жил без тебя? Я думал, что не бывает так, чтобы душа, сердце и тело хотели одного и того же, а теперь знаю – бывает. Ты удивительная женщина, – прошептал он, глядя ей в глаза таким проникновенным нежным взглядом, который, кажется, проникал до самых глубин ее души.

– Просто я люблю тебя. Мне так хорошо с тобой, что даже страшно становится, я словно пребываю в состоянии сна и боюсь, что однажды проснусь, а тебя не будет рядом.

– Ну что ты, девочка моя, хорошая моя, ну, куда я от тебя теперь денусь? – улыбнулся он, и его губы прижались к ее губам.

Она вновь ощутила на своих губах знакомый и такой восхитительный вкус его губ. Его язык, властно раздвинувший ее зубы, ворвался в ее рот, продолжая ласкать его внутри. В голове все закружилось, завертелось в каком-то вихревом потоке, и Виктории показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Открыв глаза, она увидела, что Вадим смотрел на нее, чуть отстранившись, и его родной голос неуверенно спрашивал ее:

– Викуль, ты как? Все в порядке? – в его глазах плясали веселые искорки.

– Да, – с трудом произнесла она, чувствуя, как силы постепенно возвращаются к ней. – Вадим! Я очень боюсь тебя потерять, – Вика сказала это откровенно, от полноты чувств, переполнивших все ее существо.

– Вика, Вика, не надо... Мы с тобой обо всем уже договорились, так?

– Договорились, конечно, договорились, – пожала она плечами. – Как давно это было...

Глава 3

Незаметно пролетели еще три дня. Жалко, что приходилось то драгоценное время, которое им было отпущено для встреч, расходовать на сон и работу. Ну, работа, это дело святое, не обсуждается, а вот от сна часть времени они все-таки прихватывали. Все свое свободное время они проводили вместе, боясь оторваться друг от друга даже на короткий миг. Они почти не звонили друзьям, тем более что новых, общих друзей у них еще не было, а со своими старыми они не успели познакомиться друг друга. Сумасшедшие ласки, которыми они одаривали друг друга, несли в себе такую концентрацию трепетной нежности и любви, что в них явственно проступал привкус горечи, и оба это прекрасно чувствовали. Так любят либо перед долгой разлукой, либо когда прощаются навсегда. Каждый день они проживали так, как последний, считая каждый день чудом, дарованным им свыше. А, по сути, ведь это так и есть, если принять во внимание,

каким огромным и насыщенным может стать любое мгновение нашего хрупкого существования. Он понимал, что Вика не останется с ним, потому что слишком его любит. А удержать ее возле себя ему очень хотелось. Чем угодно. Главное – удержать!

В субботу утром Вадим проснулся как всегда рано, но встать не торопился, привычно отмечая, как торопливо будильник отсчитывал летящие, падающие в прошлое секунды и более растянутые по сравнению с ними минуты. Готовскому совсем не хотелось вставать, мысли его плавно текли вместе со временем: «Всю жизнь мы все живем в плену у времени, поэтому иногда нам кажется, что жизнь проходит мимо, а чаще бывает по-другому: все происходит в режиме спешки, все время куда-то нужно торопиться, нужно бежать, чтобы успеть, постоянно на что-то не хватает времени. Как часто он говорит сыновьям, что ему некогда, чтобы занимались своими делами. Почему так? Зачем?»

– Вадим, доброе утро, милый! – Вика сладко потянулась и вновь прильнула к нему.

– Привет, солнце мое! – он улыбнулся, целуя ее в носик.

– О чем думаешь?

– О времени, о том, что его никогда не хватает, – вздохнул

Вадим и грустно улыбнулся. – Ты вот можешь мне сказать, что такое время, а?

– Время? – задумалась Вика, приподнимаясь на подушке повыше. – А тебя оно интересует как количественная или

как качественная категория?

Готовский ухмыльнулся и, облокотившись на согнутую в локте руку, заявил:

– Меня интересует все!

– Ну, тогда первое, что приходит в голову, что время – это движущийся поток, внутри которого мы все находимся (течение времени), и пространство, которое мы преодолеваем или собираемся преодолеть, например, позади у нас отпуск, а впереди нас ждет зима и новогодние праздники с Рождеством.

– Да? Занятно!

– А вообще время – это субстанция, которая может меняться. Она может растягиваться и сжиматься. Время является ценным ресурсом, который можно потратить. Вот представь, что тебе нужно ехать в командировку, и ты ждешь, когда наступит день отъезда.

– Я не хочу в командировку, – решительно пресек ее фантазии Вадим и скептически сморщился.

– Тогда события по мере приближения дня отъезда начнут двигаться мимо тебя из будущего в прошлое. Или мы сами идем вдоль оси времени из прошлого в будущее, как например: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины...»

– Откуда эти строки? – осторожно поинтересовался Вадим.

– «Божественная комедия» Данте, итальянский поэт, один

из основоположников итальянского литературного языка.

– О, Боже! – воскликнул он смеясь и рухнул на подушку.

– Интересно, отчего это тебе так весело стало?

– Мне не весело. Совсем не весело.

– Почему не встаешь? Опоздаешь на работу.

– Не встаю, потому что никуда не хочу идти. – Он посмотрел на нее, и его серые глаза постепенно оттаивали и теплели. – Пускай выгоняют с работы. Черт с ним со всем: с карьерой, с деньгами и со всем остальным барахлом. Хочу только одного, не вылезать из постели с тобой. – Вадим схватил ее и с силой прижал к себе.

– Правильно, дорогой! Если работа мешает сексу, нужно бросить работу. Я буду приносить тебе чего-нибудь выпить по вечерам, буду тебе еду подавать в постель.

– А выпивка-то здесь при чем? – изумленно спросил Вадим.

– А как же? Все, кто не работают и ничем не занимаются, начинают спиваться, находя дополнительную мотивацию в спиртном.

– Вот это да! – он расхохотался, глядя на нее влюбленными глазами.

– Что? – она сделала удивленные глаза.

– Вика! Ты такая забавная. Ладно, уговорила. Ты умеешь так доходчиво объяснять все, да еще с картинками, что просто жуть берет, – он рассмеялся, и она вместе с ним.

– Вот видишь, как я тебя быстро на рабочий лад настрои-

ла! Вадим, давай вечером сходим в «Вершину», там на третьем этаже есть кафе-мороженое. Хочу мороженого, и я тебя приглашаю.

– Меня еще ни разу девушки не приглашали в кафе, – он даже растерялся. – Обычно это делаю я сам.

– Так ты пойдешь? – она с такой надеждой смотрела на него, что он поспешил согласиться.

– Конечно! Разве я могу отказаться от приглашения такой замечательной, такой красивой девушки? – Он прижал ее к себе, целуя в висок, провел рукой по длинным пушистым волосам и осторожно вздохнул.

– Возвращайся скорее, я буду тебя ждать.

– Викуль, я постараюсь. Ты пока отдыхай. – Он нежно поцеловал ее. – Все время думаю, почему у тебя губы такие сладкие? – И он опять припал к ее губам.

Он приехал, как и обещал, через пару часов. После обеда они сидели у телевизора. Шла программа новостей по НТВ. Вика погладила его по плечам, прижалась к нему, отвлекая его от просмотра. Он погладил ее по спине и, нажав кнопку на пульте, выключил телевизор.

– Все равно ты не смотришь, а я не могу сосредоточиться, мысли скачут друг за другом в каком-то хаотическом беспорядке, ни на одной сконцентрироваться невозможно, – пожаловался он.

– А ты сейчас ни о чем не думай, закрой глаза и просто расслабься, – посоветовала Вика. – Я тебе сделаю массаж.

Я умею.

– Массаж – это хорошо. – Он задумчиво смотрел на нее. – Ты ко мне привыкла, – сказал он, продолжая гладить ее по спине. – Ты была права, нам не следовало начинать жить вместе.

– А ты? Ты тоже ко мне привык? – спросила его Вика, с замиранием сердца ожидая его ответа.

– А я что, каменный? – удивился Вадим. – Я тоже к тебе привык. И с каждым днем привыкаю все больше и больше, наивно полагая в самом начале, что держу ситуацию под контролем, а на самом деле все оказалось совсем не так. Наивный глупец! Все оттого, – он коснулся пальцем ее носика, – что раньше у меня такого не было.

– Да ладно? Не было таких красивых девушек? – переспросила, улыбаясь, Виктория, отлично понимая, что он имеет в виду.

– Ты очень красивая, но дело совсем не в красоте. Ты же не полагаешь всерьез, что одна внешняя красота вызывает чувство любви?

– Не только, хотя и это тоже.

– Правильно. Только когда человек любит, он способен видеть красоту. До того, как я встретил тебя, у меня не было желания жить с кем-то вместе. Всегда после близости хотелось быстрее расстаться и поскорее забыть обо всем. С тобой все иначе: все по-другому. Ну, просто ты – это ты. Ты меня понимаешь, ты меня любишь, ты всегда делаешь так, чтобы

мне было хорошо. – Он смотрел на нее, глядя ее по щеке, и в его глазах было столько нежности, что у нее останавливалось дыхание и начинало учащенно биться сердце. Вика не выдержала и поцеловала его.

– А что чувствуешь ты сам? – Вика пытливо смотрела на него, ожидая ответа.

– Я сам? Ну что? Мне с тобой комфортно. – Вика стала, шутя, загибать ему пальцы по мере продолжения перечислений. – Ты мне всегда до одури желанна, я до сих пор не могу насытиться тобой. Я хочу быть с тобой всегда. И сейчас я хочу тебя, хочу тебя немедленно. И не надо шутить со мной. – Он убрал ее руку, потом крепко сжал ее в объятиях, и поцелуи его стали из нежных совсем другими: страстными и требовательными.

Все ее тело уже давно изнывало от сумасшедшего желания и просило, чтобы все случилось немедленно, чтобы он воспользовался ею, как только пожелает. И каждое его прикосновение к ней вновь приводило ее в трепет. Как прекрасно было дарить ему обладание собой, ничего не требуя при этом взамен... Понемногу Вселенная возвращалась для них на круги своя, они приходили постепенно в себя и начинали осознавать реальность.

– Какая же ты у меня сладкая, – нежно коснувшись губами ее виска, прошептал он.

– Что с нами такое происходит? Мы как с цепи срываемся каждый раз.

– Тихо, тихо! – шептал он ей, продолжая целовать ее всю. – Наверное, так будет всегда. Эту жажду никогда не утолить. Милая, родная моя, твое приглашение еще в силе?

– Какое приглашение? – она провела языком по пересохшим губам.

– Ты меня пригласила в кафе, забыла? – нежно целуя ее, напомнил он.

– Прости, я совсем забыла, – смутилась Вика. – Конечно, в силе! Значит, сначала в душ, а потом одеваться. Вадим, а вдруг мы встретим там своих знакомых? Может, тогда не стоит идти? – засомневалась Вика.

– Я тебя умоляю! Встретим, значит встретим! Мне совершенно все равно. Вика, что там за место? – поднимаясь с дивана, спросил он.

– Вполне демократичное. Джинсы, я думаю, подойдут, – Лениво протянула Вика.

Она пребывала сейчас в удивительном состоянии покоя и умиротворения. Все ее мышцы находились в таком расслабленном состоянии, что совершенно не хотелось двигаться, тем более куда-то идти. Вика спокойно наблюдала за Вадимом.

– Вот и славно, что не нужен костюм и галстук. Хочется отдохнуть от надоевшего этикета.

– Ну что, пора вставать? – она посмотрела на него с надеждой во взгляде, ожидая, что он передумает ехать в кафе.

– Встаем! – он быстро поднял ее с постели и поставил на

ноги. – Как ты сказала, в душ и одеваться.

Виктория от неожиданности ахнула и, глядя на него изумленным взглядом, рассмеялась.

Они вышли не спеша из дома, сели в машину и поехали в развлекательный комплекс «Вершина». В стеклянной кабине лифта, похожей на аквариум, они поднялись на третий этаж. Кафе было в самой середине зала, а по краю его располагались просторные торговые павильоны. Столики стояли так, что видно было только тех, кто сидит перед тобой. Взяв мороженое и десерт, они спокойно уселись напротив друг друга. Было приятно находиться здесь вдвоем. Им никто не мешал. Они сидели и спокойно разговаривали, держась за руки.

– Хорошо, что мы с тобой сюда выбрались. Может, в кино сходим? Вон реклама «Бой с тенью – 3». Ну что? Как раз сеанс начинается через пятнадцать минут, успеем взять билеты.

– Пойдем! – Вика решительно направилась в сторону кинозала, крепко держа его за руку. Она вела его за собой, не оглядываясь на него.

– Эй! Девушка! Не тащи меня так! Я никуда от тебя не сбегу, – смеясь во весь голос, заверил ее Готовский.

– Я тебе не верю, – попробовала пошутить Вика.

– Ты должна мне верить, Вика. Без этого нельзя, – остановившись, серьезно заявил Вадим.

Он поднял пальцами ее лицо за подбородок, чтобы уви-

деть ее глаза. Их обходили спешащие в кинозал зрители, иногда толкали их, но они этого не замечали.

– Я неудачно пошутила. Прости! На самом деле это не так. Я верю тебе. Это правда. – Они взялись за руки и пошли вслед за другими, такими же опаздывающими на сеанс, как они.

После киносеанса они вышли, так же держась за руки, и не спеша двинулись к лифту, возле которого собрался народ, желающий уехать отсюда как можно быстрее.

– Мы ведь с тобой не торопимся? – спросил он улыбаясь.

– Да нет, конечно!

Вместе с ними не торопилась уехать и сотрудница экономического отдела треста «Северавтодор» Марина, которая давно заприметила своего шефа и хотела во что бы то ни стало разглядеть его спутницу, чтобы утром было что рассказать об этой встрече своим коллегам, причем во всех подробностях.

– Вика, ты чего крутишься? – с улыбкой спросил Вадим. – Стой спокойно.

Виктория тоже заметила, как их разглядывала незнакомая девушка, и, ничего не говоря Вадиму, повела его к эскалатору. Вика не знала, кто она, эта незнакомка, стоявшая неподалеку от них и так пристально разглядывавшая ее и Готовского, а вдруг она подруга жены Вадима? На всякий случай она решила, что не будет его расстраивать своими предположениями, и поэтому ничего ему не рассказала. Спустившись на

эскалаторе, они оказались внизу на пару минут раньше Марины, которая решила дожидаться лифта. Они успели дойти до стоянки, сесть в машину и уехать.

Дома после душа они блаженно растянулись на постели и одновременно рассмеялись, просто так, от полноты бытия.

– Какое блаженство валяться в постели, зная, что завтра выходной, – заявила Виктория.

– Просто кайф! – согласился с ней Вадим, прижимая ее к себе. – Давай спать.

– Спокойной ночи, – она поцеловала его в губы, едва коснувшись их своими губами.

– Еще один поцелуй, и спокойной ночи я уже тебе не гарантирую, – улыбаясь, сказал он. – Завтра утром я повезу тебя в загородный стрелковый клуб, который находится на Белом Яре.

– Мы что, там стрелять будем? – сонно спросила Вика, устраиваясь у него на груди.

– Только если захочешь! А теперь спи. Клуб работает в воскресенье с одиннадцати часов утра. – Он нежно чмокнул ее в висок.

Сон сморил обоих сразу. Вика всю ночь видела тревожные сны. В них кто-то постоянно преследовал ее, догонял, а она пыталась прятаться, убегать, но все было как в замедленном кино, преследователь бежал гораздо быстрее, чем она, и постоянно настигал ее. Она беспокойно металась по подушке, пытаясь вырваться из липкого, кошмарного сна, и громко

застонала.

– Вика, Вика, ну что ты! Успокойся, – он гладил ее по волосам, по спине.

– Сон снится всю ночь один и тот же. Просыпаюсь, засыпаю и вновь вижу его продолжение с того самого момента, на котором проснулась. Это какое-то наваждение, – беспокойно шептала она.

– Давай я тебя обниму покрепче, и он больше тебе не приснится, – бархатным голосом уговаривал ее Вадим. Она прижалась к нему, чувствуя себя с ним в полной безопасности.

– Вадим, не отпускай меня, пожалуйста, – засыпая, бормотала она.

– Спи. Ничего не бойся. Я с тобой.

Утро выходного дня порадовало их хорошей погодой. Воздух был пронзительно вкусным и прохладным, а небо было абсолютно безоблачным, и, значит, солнышко сургутянам будет гарантировано на весь день.

– Просыпайся, моя хорошая, мы с тобой почти проспали. Давай одеваться и поехали. Завтракать будем с тобой в клубе, там есть небольшой ресторанчик.

– Вадик, я так плохо спала всю ночь, только под утро заснула, и вставать сейчас совсем не хочется. – Она блаженно потянулась на постели и уткнулась лицом в подушку.

– Знаю, как ты спала, ты и мне спать всю ночь не давала. Но это не повод, чтобы не ехать. Тебе там понравится, вот увидишь. Вся территория клуба – огромный, роскош-

ный парк, который состоит из натурального, облагороженного лесного массива с дорожками, посыпанными гравием. Красота вокруг неопишуемая, погода замечательная. Погуляем, посидим в ресторанчике, потом вернемся домой.

– Ты так заманчиво рассказываешь обо всем, ладно, сейчас оденусь. Джинсы, куртка подойдут?

– Стопроцентно подойдут, одежда должна быть удобной, чтобы не стесняла твоих движений, – говорил он из ванной комнаты, где в этот момент брился.

Виктория быстро заправила кровать покрывалом, оделась, сварила для Вадима кофе, без которого он не мог обходиться по утрам. На макияж почти не оставалось времени, так что пришлось все делать очень быстро, а точнее, наспех.

– Вика, возьми на дорогу фрукты, мне яблоки, а себе что хочешь.

– Тебе же не нравится, когда в машине едят, – напомнила она.

– Речь идет о фруктах, а не о другой еде. И еще, тебе можно делать в машине все. На тебя правила не распространяются. – Он поцеловал ее и вышел из дома.

Дорога до Белого Яра не заняла много времени, к тому же народу в клубе еще было немного.

– Видишь, еще почти никого нет, а ты говорил, что опаздываем, – заметила Вика.

– Просто люди здесь приезжают к своему времени, это мы с тобой приехали просто так. Народ здесь в основной массе

серьезный, постоянно занимаются, хотя и таких как мы с тобой много. Сейчас мы пройдем на ресепшен и запишемся. Потом нам определяют тренера и дадут ружье и патроны. Попробуешь? – спросил Вадим.

– Да, только можно я буду вместе с тобой? – попросила его Вика.

– Конечно, со мной!

За стойкой на ресепшен сидела молоденькая симпатичная блондинка, которая обворожительно улыбнулась Готовскому, подавая ему журнал регистрации посетителей.

– Можете вписать и свою девушку, а она только распишется, – почти пропела блондинка, кокетливо строя Готовскому глазки.

«До чего противная девица! Прямо глаз с Готовского не сводит, так и ест его глазами», – думала Вика, недовольно посматривая на девушку за стойкой.

– Тебе что-то не нравится? – спросил Вадим, внимательно и заботливо глядя на Вику.

– Эта девушка ведет себя не совсем корректно с посетителями!

– Да? – удивился он. – И в чем же это выражается? – продолжал удивляться Вадим, старательно пряча улыбку.

– Да она со всех мужчин глаз не сводит, и с тебя, между прочим, тоже, – сердито прошептала Вика.

– Перестань меня ревновать, – сказал ей Вадим на ушко, прижимая к себе. – А вот и наш тренер, кажется, – сообщил

он девушке.

Тренер, который к ним вышел, был крепко сбитым мужчиной, невысокого роста, с простоватым лицом, но внимательным и добродушным к своим подопечным.

– Здравствуйте, я ваш тренер, Коломиец Иван Алексеевич, – представился подошедший к ним незнакомец. – Пойдемте со мной! – решительно пригласил он.

Он выбрал для них ружья, взял по паре пачек патронов и наушники для себя и стрелка. В кассе Вадим оплатил все расходы своей пластиковой картой. Затем все вместе они прошли на учебную площадку для стрельбы по мишеням.

– Ну что, начнем, благословясь? – спросил он своих спутников. – Девушка еще у нас не стреляла?

– В школе я ходила в тир, где занималась стрельбой из пневматической винтовки, но уже все забыла, – виновато призналась тренеру Виктория. Она очень раскисалась в том, что ничего не помнит из того, чему ее учили.

– Забыт прежний опыт, это хорошо, не нужно будет переучивать, – одобрительно пробасил тренер, не разделяя ее сожалений.

Иван Алексеевич поставил Викторию на позицию и объяснил ей, как она должна действовать. Сначала нужно посмотреть на мишень, затем постараться определить и понять ее траекторию, и как заключительный этап – выстрел. Тренер поддерживал ее ружье за цевье. Вика старалась изо всех сил, она добросовестно следила за летящей мишенью. Девушка

волновалась при этом, а когда случалось, что мишень разлеталась, подпрыгивала и кричала с таким поистине детским восторгом, глядя при этом на Вадима и ожидая от него либо молчаливого одобрения, либо похвалы вслух. Тот стоял рядом и регулярно после каждого второго выстрела перезаряжал её ружье, а потом ему это надоело, и он, показав пару раз Вике, как это делается, просто стоял рядом и смотрел. Потом настала очередь Вадима. Он стрелял хорошо, и почти все мишени оказались разбитыми. Особый восторг у Виктории вызвали его выстрелы по мишени «бату» – одной из самых трудных. Тарелка летит быстро и всегда ребром к стрелку, поэтому ее почти не видно, и только в последние пару секунд она разворачивается к стрелку всей плоскостью. Только в эти короткие мгновения ее можно отчетливо увидеть и поразить.

– Вадим, какой же ты молодец! Как у тебя все здорово получается. Мне эту мишень даже разглядеть не всегда удается, а ты их все поразил. Ты все умеешь делать талантливо, – восхищенно произнесла Виктория, глядя на него с обожанием и восторгом.

– Ты меня захваливаешь. Я пропустил одну мишень, – перезаряжая ружье, ответил с улыбкой Вадим. – Года три назад я часто сюда ездил, потом как-то забросил.

– Вадим, а у тебя есть свое ружье? – спросила Виктория, которая пребывала в возбужденном состоянии после стрельбы.

– Есть, итальянское.

– Да? А где оно? У тебя и разрешение есть, или ружье «левое»? – засыпала она его вопросами.

– Девушка, ну что за жаргон! «Левое»! – передразнил он Вику. – Мое ружье в сейфе. И разрешение имеется. – Он рассмехался. – Приедем, покажу тебе ружье. В следующий раз, если поедем, то со своим ружьем. Я просто не думал, что тебе так понравится стрелять. – Он был спокоен и, улыбаясь ей, сказал: – Ты очень азартная, Вика, тебе надо успокоиться. – Он обнял ее за плечи, слегка прижимая к себе.

Отстрелявшись, они не спеша прошлись немного по дорожкам парка, потом зашли в ресторан, вход в который был со стороны самого парка, а не из здания стрелкового клуба. Готовский выбрал столик у окна, они сели на мягкие стулья с высокими спинками, которые оказались очень удобными. К ним подошла молодая девушка, одетая в ресторанный униформу, и протянула меню в кожаных папках. Заказ ждали недолго, за это время успели оглядеться и обменяться впечатлениями о стрельбе. Омлеты по фантазии повара оказались столь оригинальными, что трудно было догадаться, какие ингредиенты туда входят кроме яиц. Зато блинчики с абрикосовым джемом были обычными на вид, но при этом отменно вкусными.

– Хочешь еще блинчиков? – улыбаясь, спросил Готовский.

– Хочу! Но не буду! – лаконично ответила Виктория. –

Чтобы не было как в анекдоте, девушка говорит подруге о себе: «Я стала так кушать, как будто на мне уже женились».

– Ах, вот в чем секрет девичьих прелестей! Ладно, тебя всегда нужно заставлять поесть. Кушай блинчики. Вкусно ведь!

– Потом сам любить меня не будешь, после блинчиков.

– Буду! – заверил он. – Можешь съесть еще порцию. Вика, я тебя буду любить всегда, даже если ты станешь на несколько размеров больше, – рассмеялся Готовский, но неожиданно замолчал. – Ты меня спровоцировала, – он развел руками.

Пожалуй, это было первое его признание в любви. Он так долго молчал об этом, что сейчас после такого незапланированного признания он чувствовал себя не в своей тарелке, поэтому Виктория решила прийти ему на помощь.

– Шутишь? Это ты сейчас так говоришь. Но я не буду искушать судьбу.

В ресторане появилась группа молодежи, и взгляды всех посетителей теперь были прикованы к ним. Все они были модно одеты, вели себя вызывающе шумно и требовали к себе со стороны обслуживающего персонала ресторана повышенного внимания.

– Чьи-то детки! Мажоры! – заметил Вадим. – Если бы мой старший был таким же, убил бы, наверно.

– Как-то уж чересчур кардинально, – попробовала урезонить его Вика. – Они все еще очень молоды. Посмотри на них! Лет восемнадцать-двадцать, не больше.

– Вот именно! А судя по тому, какими ключами в руках играют, все на иномарках, которых еще не заработали. Живут на деньги родителей. Многие из них не только не работают, но и не учатся нигде. Человек должен с детства точно понимать свое место в социальной иерархии и принципы ее построения, потому как неточное или неправильное понимание этого впоследствии помешает его адекватной адаптации в социуме.

– Вадим, скажи, как часто занимаются психологи с руководителями высшего звена? Ну, раз в год, например, или раз в полгода?

– Я что-то сказал не так? – Он рассмеялся. – Слишком заумно? Зато точно!

– Пойдем, погуляем? – предложила Виктория.

Вадим заметил, как к их столу стал протискиваться его знакомый. Они с ним не часто, но пересекались по работе. Но сегодня он выглядел так, что следы бурно проведенной ночи у него были что называется на лице.

– Доброе утро, Вадим Юрьевич! Я смотрю, вы или не вы?

– Здравствуйте, Геннадий Романович! Какими судьбами?

– Да вот, с приятелями сюда попал. Вадим Юрьевич, ваша спутница восхитительно красива. Нет, она, право, сплошное очарование! Геннадий Романович, – протянул он руку к девушке для знакомства.

– Виктория, – ей тоже пришлось протянуть свою руку, как оказалось для поцелуя.

– Голова трещит. Вы уж извините меня ради бога, – попросил он прощения у Виктории, – очень плохо себя чувствую сегодня.

– Может, кофе? – предложил из вредности Готовский. – Коньяк, пожалуй, только усугубит ситуацию, – добавил он.

– Ох, Вадим Юрьевич, если нельзя сделать то, что хочется, нужно сделать хотя бы то, что можно. Давайте сюда ваш кофе, – вздохнул он.

Готовский заказал ему кофе и попросил его включить в их счет. Пожелав Геннадию Романовичу скорейшего поправления утраченного здоровья, Готовский с Викторией вышли из ресторана. Они посмотрели друг на друга и поняли, что думают об одном и том же. Виктория неожиданно приснула, и они весело рассмеялись.

– Вадим, ему нужно было дать опохмелиться. Ему действительно плохо.

– Он уже это сделал. Добавлять еще – только хуже.

– Ты к нему относишься безжалостно. – Она увидела его кривую ухмылку и предложила: – Давай погуляем еще?

– Да! Как скажешь!

– Погода хорошая. Солнышко пригревает. – Вика подставила лицо солнцу и раскинула в стороны руки.

Вадим стоял рядом, покусывал зубами травинку, и с улыбкой смотрел на нее.

– Балдеешь?

– Угу! Так хорошо... Кажется, что солнце светит толь-

ко для меня, проникает через кожу глубоко-глубоко, туда, где находится такая ма-а-аленькая кнопочка, – она показала кончик мизинца. – Нажмешь ее, и тебя затопит радость. Это кнопка счастья.

Вадим засмеялся, прижимая ее к себе.

– Здесь хорошо дышится, легко...

– Это потому что хвойный лес. Ты хорошо стреляла для первого раза, не зря тебя тренер похвалил.

– Мне приятней, когда ты меня хвалишь, хочется еще лучше сделать! Черт! Я начинаю впадать в зависимость от твоей оценки. Вадим! Стой! Тихо! Вот сейчас, когда ты так повернулся, и солнце за твоей спиной, и мои слова, это все уже было когда-то! – Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Дежавю?

– Да! Странно, но я впервые здесь! Значит, мне все это снилось? И тебя я уже видела в своих снах? – На него внимательно смотрели ее пытливые зеленые глаза.

– Может, опыт прошлых жизней? Может, нам с тобой поэтому так хорошо вместе, что мы это уже проходили?

– Да нет! Опыт прошлых жизней мы помнить не можем. Это что-то связано с изменением сознания. Эффект дежавю может быть вызван предварительной подсознательной обработкой информации, например, во сне. И в тех случаях, когда человек встречает в реальности ситуацию, как сегодня, предварительно уже «обдуманную и проигранную» подсо-

знанием во сне и удачно смоделированную мозгом, достаточно близкую к реальному событию, и возникает дежавю. Мы это проходили на лекциях по психологии. – Она посмотрела на него из-под ладони, закрываясь ею от бившего прямо в глаза солнца.

– Ах ты мой маленький психолог! И что вы там еще проходили интересного? – Его руки бережно обнимали ее, и от этого Вике было необъяснимо хорошо и уютно.

– Много чего! Например, сам термин дежавю придумал и впервые использовал в своей книге «Психология будущего» французский психолог Эмиль Буарон! А Бергсон определил дежавю как «воспоминание о настоящем», он считал, что восприятие реальности в этот момент внезапно раздваивается и отчасти как бы переносится в прошлое.

– А что по этому поводу думал Фрейд?

– Если пользоваться терминологией Фрейда, можно сказать, что наступает «дереализация» личности... Вадим, ты сейчас смеешься надо мной?! Не буду больше ничего тебе говорить! – Она сделала вид, что обиделась, и отвернулась от Готовского, а потом побежала от него по гравиевой дорожке, но бежать по ней было крайне неудобно, и он через несколько секунд догнал ее и крепко прижал к себе. Они стояли, обнявшись, наслаждаясь тишиной. Было слышно, как с легким скрипом раскачиваются в вышине верхушки стройных сосен.

– Вика! Я тебе не сказал еще о том, что почти закончил

оформление покупки квартиры для нас, сегодня нам с тобой нужно будет выбрать мебель, завтра ее завезут и соберут, и можно будет переехать. Вика, я хочу, чтобы ты осталась со мной. Ну посмотри на меня. Родная моя, не уходи, останься со мной!

– Вадим, давай попробуем, посмотрим, что из всего этого выйдет. Скажи, пожалуйста, ты не собираешься домой приходить ночевать вообще или со мной ты будешь спать по расписанию, например, два раза в неделю? А все остальное время я буду жить в квартире одна, я правильно понимаю?

– Вика, не мучай меня сейчас. Я не могу сейчас разводиться с женой. Мой старший только еще поступил на первый курс, младший – пойдет в седьмой класс, я не могу сейчас оставить сыновей. Я понимаю, что не могу удерживать тебя возле себя. Это будет нечестно по отношению к тебе. Ты не обязана меня ждать. Давай побудем как можно дольше вместе, это все, о чем я тебя прошу. Решать, сколько нам быть вместе, будешь ты.

– Хорошо! – спокойно произнесла она, несмотря на то, какая буря эмоций поднялась в ее душе. – Знаешь, ты очень хороший, и мне с тобой не просто хорошо, все так замечательно, но... Все дело в «если». – Она смотрела на него, боясь расплакаться. – Если бы меня не угораздило в тебя влюбиться! Я бы согласилась на твое предложение, не раздумывая, но сейчас все стало по-другому. Я очень тебя люблю и не хочу делить тебя ни с кем. Тем более с женой. Я просто

умираю от ревности при одной только мысли, что тебе нужно будет возвращаться на ночь к себе домой и ложиться с ней в одну постель.

– Я понимаю. Я и сам не хочу тебя делить ни с кем. А к жене можешь меня не ревновать. Запомни, пожалуйста, пока мы вместе, у меня не может быть секса с какими-либо другими женщинами. Я точно так же схожу с ума от ревности при одной только мысли, что ты будешь с кем-то.

– Вадик, милый! Давай пока ничего не будем об этом ни говорить, ни думать.

– Хорошо, родная моя! Поедем пока по магазинам?

– Поехали, – согласилась она обреченно.

Незаметно процесс выбора мебели для их общей квартиры увлек их обоих, и они с удовольствием занимались ее обустройством. Туда покупалась посуда, постельные принадлежности, шторы, какие-то красивые мелочи, призванные добавить уюта в общую атмосферу жилища. Все эти хлопоты и заботы создавали для обоих иллюзию семейных отношений. За день до приезда жены Вадима они успели переехать в свою квартиру полностью. Вечером после работы они возвращались уже в свое новое жилище, ставшее на неопределенное время их общим домом. Виктория до приезда Вадима успела приготовить ужин и принять душ. Надевая банный халат, она услышала трель дверного звонка и пошла открывать:

– Привет, родной! – Она обняла его за шею, нежно целуя

в губы.

– Привет, солнышко! Я соскучился! Как ты? – он отвечал на ее поцелуи, чувствуя рядом ее тело, которое с удовольствием прижималось к нему.

– Трудно сказать... Стараюсь привыкнуть...

– Вика, все будет хорошо, вот увидишь, – пытался уговорить он ее. – Вика, как же я люблю тебя!

– Вадим, мне так хорошо с тобой. – Он гладил ее нежно по спине, прижимая к себе и нежно целуя.

– Как тебе здесь, ничего? – спросил он.

– Все уже хорошо, теперь ты со мной и все хорошо!

– Викуль! Знаешь, а мне здесь очень нравится, – сказал Готовский, одобрительно осматривая комнату. – Ты из обычной квартиры сделала такую уютную нору. Как только тебе это удалось? – он засмеялся.

– Я рада, что тебе нравится. Не уходи, побудь со мной еще немного.

– Что значит немного? Я пришел с работы и никуда больше не собираюсь идти.

– Ты действительно можешь сегодня остаться? – ее губы дрогнули в несмелой улыбке.

– Конечно, могу! – заверил он ее, склоняясь к ней и вдыхая аромат ее волос.

– Но ведь Елена с сыном уже приехали?

– Да, часов в шесть вечера или около того, точно не знаю. Я водителя посылал за ними в аэропорт.

– Ты с ней уже виделся?

– Нет пока. Она знает, что я сегодня не приду, – он спокойно гладил ее по плечам, по волосам, внимательно глядя в ее глаза.

– Наверное, это жестоко, но я все равно очень рада, что ты со мной.

– Учитывая наши с ней отношения, это нормально. Нет, слушай, Вика, у тебя определенно есть чувство стиля, – говорил он, оглядываясь по сторонам, – по-моему, ты прирожденный дизайнер.

Вика поняла, что он не хочет говорить с ней о своей семье, и решила тоже больше не касаться этой темы.

– А знаешь, как говорила Коко Шанель: «Моду можно купить, но стиль необходимо иметь».

– Это правда, любовь моя! Стиль у тебя есть! Вика, а ты меня кормить будешь сегодня? Я ужасно голодный! – улыбаясь, проговорил он.

– Конечно! Я сейчас, быстро. – Стол был заранее сервирован, осталось только разложить приготовленные блюда по тарелкам, что она и сделала. – Вадим, все готово, пойдем ужинать.

– Пойдем! Телевизор я уже подключил, можно смотреть. Показывают все сто с лишним каналов.

– Вадим! Какой ты молодец!

– А то! Тебе не мужик достался, а золото, – похвалил он сам себя.

– Знаю, что золото, только, к сожалению, не мое, – тихо прошептала Виктория. Она весь день сегодня себя не очень хорошо чувствовала. Не было видимых признаков начинающегося простудного заболевания, но было все же ощущение какого-то необъяснимого дискомфорта.

– Я принадлежу только тебе, – засмеялся Вадим, – я думаю только о тебе. – Он обнял и крепко прижал ее к себе, касаясь губами ее виска. – Викуль, ты в порядке? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Нормально, а что?

– Ты сегодня какая-то бледненькая, это видно даже сквозь загар. Может, простуда? Я очень беспокоюсь о тебе.

– Нет, все нормально. Вадим, ты действительно так беспокоишься обо мне?

– А у тебя есть основания не верить моим словам? – Он пытливо заглянул в ее глаза. – Я тебя никогда не обманывал. Ведь так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.